

Доцент, полковник юстиции
Д. С. Карев

РОЛЬ КОМАНДОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ ВОЕННО-УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одной из особенностей военно-уголовного процесса является активная роль командования, наделенного рядом процессуальных прав. Богатейший опыт Великой отечественной войны помогает нам сделать выводы об особенностях советского военно-уголовного процесса, в частности о роли командования в военно-уголовном процессе.

Многие юристы считают, что особенностью военно-уголовного процесса является только быстрота судопроизводства. Так, бывший главный военный прокурор Красной Армии Орловский в 1928 г. писал, что «Особенности военно-уголовного процесса следует искать не в исключительных правах начальников в армии и не в сужении соответствия с этим права судебных органов и прокуратуры, а в особом применении некоторых норм общепроцессуального права в обстановке армейской организации. Органы дознания в армии, военные следователи, прокуратура и суд, как правило, в своей деятельности руководствуются уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, но за тем исключением, которые нашли себе место в Положении о военных трибуналах и военной прокуратуре, как общесоюзном законе»¹.

Подобная точка зрения ошибочна.

Органы военной юстиции при выполнении своих задач по борьбе с преступностью в армии неизбежно вступают в те или иные взаимоотношения с командованием. При этом между командованием и органами военной юстиции возникают определенные права и обязанности, в ряде случаев носящие процессуальный характер. Наша задача установить, какие же процессуальные взаимоотношения существуют между командованием и органами военной юстиции, какова их юридическая природа, каковы процессуальные права отдельных командных инстанций и на различных стадиях уголовного процесса, какие изменения целесообразно внести в дейст-

вующее законодательство, исходя из опыта Великой отечественной войны.

Юридическая природа процессуальных прав командования. Юридическая природа процессуальных прав командования находит свое обоснование в особой организации армии, вся деятельность которой должна протекать на основе соблюдения принципа единоначалия, требующего беспрекословного подчинения воле начальника со стороны подчиненных, строгой регламентации поведения каждого военнослужащего как на службе, так и вне ее, особой необходимости поднять авторитет начальника, командира.

В силу принципа единоначалия недопустимо вмешательство во взаимоотношения начальника с подчиненными каких-либо других органов или лиц. Вне армии функции служебного руководства и охраны общественного порядка распределены между несколькими должностными лицами и органами. Руководитель любого советского учреждения, осуществляя руководство и надзор за служебной деятельностью своих сотрудников, не выполняет функции надзора за соблюдением ими общественного порядка вне учреждения, не наблюдает за поведением своих подчиненных вне службы. Воспитание рабочих и служащих относится к компетенции различных общественных организаций, в частности профсоюзных. В армии в руках командования сосредоточены и руководство служебной деятельностью военнослужащих, и надзор за их поведением вне службы, организация их быта и воспитания, без вмешательства каких-либо других посторонних органов и должностных лиц.

В армии, в силу ее особых условий, поддержание порядка и борьба с нарушителями дисциплины, в первую очередь, возлагается на командование. Командование располагает всей полнотой власти, возможностью применения мер поощрения и принуждения в виде дисциплинарного и уголовного преследования нарушителей порядка в военных частях, соединениях и учреждениях. Такого сосредоточения полноты власти в одних руках нет ни в одном учреждении. В силу этого командование и наделено рядом процессуальных прав.

Ознакомление с историей военной юстиции приводит нас к выводу, что в более ранние времена командование располагало в отношении своих подчиненных всей полнотой дисциплинарной и судебной власти. Только в дальнейшем, с увеличением численности армии, ростом военной техники и усложнением вследствие этого функций руководства, командование из своей среды выделяет специальных лиц для расследования и рассмотрения дел о нарушении военной дисциплины. При этом производящие расследование и суд лица первоначально не имели права решать вопрос о наказании преступников, а только докладывали свое мнение соответствующим высшим командирам, от которых и зависело окончательное решение судьбы подсудимых.

Процессуальные права командования в армиях рабовладельческих государств. В рабовладельческих государствах специаль-

¹ Орловский и др. Советское военно-уголовное право, 1928 г., стр. 190.

эти судебные органы в армии еще не существовали. Командовавшие войсками лица вместе с тем являлись и высшими судьями в отношении подчиненных им воинов. Однако положение полководцев в армиях рабовладельческих государств не везде было одинаковым.

В аристократической Спарте царил суровая воинская дисциплина, тогда как в торговых демократических Афинах, где весь командный состав был выборным, было почти полное отсутствие единоначалия: 10 стратегов, по очереди командовавшие армией, могли только налагать мелкие имущественные взыскания и подвергать аресту воинов, совершивших преступления во время войны. По окончании войны стратеги (а в конце — 2 гинтарха) выступали в качестве обвинителей в суде гелиастов (или суде эфетов), т. е. в обычных судебных органах.

Совершенно иное положение в области борьбы с преступлениями военнослужащих занимали полководцы древнего Рима. В период республики (приблизительно до начала I века нашей эры) военные трибуны рассматривали единолично дела о мелких проступках своих подчиненных. О более серьезных преступлениях военный трибун докладывал командовавшему армией консулу или диктатору. Последний в качестве судьи, в присутствии легионов, допрашивал свидетелей и обвиняемого и единолично приговаривал к наказанию или оправдывал. Наказания за преступления были сравнительно жесткие. Так, консул Манлий Торкват приговорил к смертной казни собственного сына, вступившего в единоборство с предводителем неприятельского войска вопреки запрещению. В ряде случаев по приговору консула виновные казнились до смерти палками и камнями товарищами по легиону.

Таким образом, в древнем Риме командовавшему легионами консулу, претору или диктатору принадлежала неограниченная власть над жизнью и смертью своих подчиненных. Только дела о возмущениях военных частей или их подразделениях консул рассматривал не единолично, а с участием высших командиров, в особом военном совете. Жалобы в народное собрание на выносимые консулом приговоры могли быть принесены только в случае, если воинов в момент совершения преступления находилось в Риме или не далее одной мили от него.

В период республики и затем империи (начиная с I века нашей эры), когда римская армия стала комплектоваться преимущественно из воякников, начали возникать специальные военные суды нескольких инстанций, но попрежнему эти суды находились в руках высших командиров: легатов и префекта претория, а в более поздний период — дуков, кохитес и магистре милитум.

Столь существенные различия в полномочиях командования и отношении мер к поддержанию воинской дисциплины в рабовладельческих государствах античного общества объясняются рядом причин. Древние Афины — сравнительно небольшое государство-город. Его армия редко покидала пределы Греции, а военные

действия были обычно непродолжительны. Поэтому была возможность передавать дела о совершивших преступления воинах в обычные суды после окончания военных действий. Столь своеобразное положение, что «древние афиняне держались обычая, прямо противоположного обычаям всех других военных народов, признавших необходимость быстрой и примерной репрессии преступных деяний, совершенных военнослужащими»¹, хотя и привлекло к себе внимание буржуазных исследователей, но не получило в их работах какого-либо объяснения. Между тем объяснение подобному положению полководцев в древних Афинах следует искать в своеобразии государственного устройства этой демократической республики рабовладельцев, в которой армия, суд и все органы власти целиком состояли из представителей господствующего класса. Рабовладельцы древних Афин, обеспечив для себя, и только для себя, ряд демократических свобод, не хотели предоставить одному лицу сколько-нибудь значительной власти.

Этим объясняется, например, остракизм, по которому слишком популярное в стране лицо подлежало изгнанию, хотя оно и не совершило никакого преступления.

Широкие полномочия римских полководцев в области суда объясняются тем, что древний Рим почти непрерывно вел завоевательные войны, большей частью за пределами Италии. Своими победами над врагами древний Рим был в значительной степени обязан высокой воинской дисциплине, организованности, парившей в его легионах. Для поддержания порядка в легионах, находящимся вдали от родины, в руках консулов была сосредоточена вся полнота власти, вплоть до права над жизнью и смертью подчиненных. В древнем Риме, таким образом, как дисциплинарная, так и судебная власть были сосредоточены в руках у командования. Но по тем же, что и в древних Афинах, причинам, в пределах города Рима полководцы не пользовались такой властью.

Процессуальные права командования в период феодализма. В период раннего феодализма в Западной Европе командование обладало как судебной, так и дисциплинарной властью, хотя и не всегда реальной. Так, в случае совершения кем-либо из воинов преступления, король, герцог, а позднее граф, тунгин, центенарий (вообще лицо, предводительствовавшее данным отрядом) собирал на холме или в роще своих воинов и разбирает дело. На суде председательствовал военачальник, но его роль сводилась больше к наблюдению за порядком во время судебного разбирательства, так как вынесенный им приговор утверждался брацанием оружия присутствовавших воинов или отвергался их гулом. Если учесть, что собравшиеся были вооружены, права их были дикты, то вполне понятно, почему предводители не решались идти против воли своих

¹ Абрамевич-Барановский. Значение военного начальства в военно-уголовном судопроизводстве. 1896 г., стр. 19—20.

разнородных воинов. Судья непосредственной расправы предводителей германских племен с провинциальными воинами имели место и в ту эпоху, но крайне редко.

В войсках германских народов позднее место судей заняли шерфы (или скабины), судящие от имени графа или центенария и под его председательством выносящие приговор. Шерфы или скабины избирались (а позднее назначались) из числа знатоков обычного права. Их приговор также подлежал утверждению воинов. Значительно позднее утверждение приговора перешло к предводителю войска, герцогу или графу.

Следовательно, в войсках древних германцев, известных своей разнородностью, двумя насильями над населением захваченных областей, роль командования в деле борьбы с преступностью была не так велика. Войска в то время представляли собой вооруженный народ, классовое расслоение в котором еще не достигло высокого уровня, число рабов было невелико. Военачальники были первоначально выборными. Борьба с преступностью носила преимущественно частно-правовой характер: каждый потерпевший должен был сам принимать меры к наказанию своего обидчика.

В этих условиях сама власть военачальников только начинала оформляться и постепенно возрастать.

Начиная с IX, X вв. до нашей эры место вооруженного народа заняли рыцарские ополчения. Как отмечает Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Париздат, 1937 г., стр. 202): «Место созываемого непосредственно королем ополчения свободных крестьян заняло войско, составленное из служилых людей вновь народившейся знати, в том числе и из крепостных крестьян, потомков тех, кто прежде не знал другого господина, кроме короля, а еще раньше вообще не знал никакого господина, даже и короля». Каждый феодал являлся к своему сюзерну со своим собственным отрядом, в котором он сам творил суд и расправу над своими крепостными. Дела и преступления, в которых сторонами являлись сами рыцари, рассматривались в «суде равных», т. е. судьями по своему положению и феодалской иерархической лестнице равными сторонам, под председательством высшего феодала.

Сам суд сводился, главным образом, к судебному поединку. Вынесение приговора в отношении того или иного феодала не всегда еще приводило и к его исполнению: очень часто осужденный «рыцарь» со своим отрядом просто покидал войско, а иногда и нападал на своих противников. Как отмечает Энгельс («Армия», Избр. военные произведения, т. I, стр. 159—160), «Феодалная система, будучи по своему происхождению военной организацией, тем не менее по существу своему была тирацией всякой дисциплины. Обычными явлениями были восстания и отложения крупных феодалов вместе с их вооруженными силами. Отдачи графов военачальникам превращались обыкновенно в шумный

военный совет, который делал невозможными какие бы то ни было широкие операции».

Поскольку военные действия не изменяли резко обычной обстановки и взаимоотношений сюзеренов с вассалами и последних с их крепостными крестьянами, не создавалось и особой военной юстиции. Командиры (феодалы) были и судьями.

Еще менее дисциплинированы были появившиеся с XII века являвшие войска. Грабежи и насилья над мирным населением, ссоры между собой при дележке добычи были характерным явлением среди рыцарей, их слуг и наемных воинов. Императоры «Священной Римской Империи» (особенно из династии Гогенштауфенов — в XII веке) принимают ряд мер к повышению дисциплины в своих войсках и к наказанию не явившихся по вызову на войну вассалов. В императорском войске суд творил сам император или по его поручению имперский маршал с участием некоторых других лиц. В отдельных отрядах императорской армии суд осуществлялся от имени императора его военачальниками. Судебная и дисциплинарная власть в войсках принадлежала, таким образом, императору и имперскому маршалу. Высшие командиры только в качестве заседателей принимали участие в суде или председательствовали в нем в отдельных случаях. В наемных войсках суд происходил согласно их обычному праву, главным образом на основании древне-германского права, т. е. перед всей военной общиной. Но каждый феодал попрежнему был господином над жизнью и смертью своих крепостных, и императорская власть не вмешивалась в эти отношения между феодалами и приведенными ими в армию ополченцами.

В XVI веке наемные войска окончательно вытесняют рыцарские ополчения. Каждый король или владетельный князь поручал опытным командирам формирование отдельных воинских частей на определенных условиях и на установленный заранее срок из числа лиц всех сословий. При такой системе формирования армии образовался круг лиц, предлагавших себя в качестве солдат всякому полковнику, который обещал хорошее жалование и обильную добычу во время войны, независимо от ее политических целей. Полковник в силу патента от своего государя (службу которому он прекращал по истечении срока и легко переходил за соответствующее вознаграждение в стан его врагов) имел право назначать из числа наиболее опытных капитанов судью-инспектора и других должностных лиц вспомогательного судебного персонала и пользовался правом помилования осужденных своего полка. Шультгейб судил с заседателями — представителями воинских подразделений полка.

Кавалерия состояла в это время почти исключительно из дворян. Право суда над вассалами принадлежало начальнику кавалерии — фельдмаршалу с участием заседателей из разных воинских чинов.

В артиллерии, составившей в то время не столько род оружия, сколько цех мастеров, судил оберст-цугмейстер (фельдцейхмейстер) с заседателями из военнослужащих.

Сословный характер войска в XVI веке сохранился и при наемной системе: ландскнехты (пехота) вербовались из среды свободных крестьян в горожан, артиллерий — из городских ремесленников, кавалерия — из дворян.

При всей широте полномочий полковников и фельдмаршалов войска наемников были в известной степени самоуправляющимися военными общинами, в которых за преступления часто наказывал не столько командир, сколько суд товарищей по полку. Позднее роль командования значительно возросла, но состояние дисциплины еще более ухудшилось. Ряд правовых памятников той эпохи (статьи для немецких ландскнехтов, указы для конницы императоров Максимилиана I и Максимилиана II 1495—1570 гг., «Каролина» и т. д.) свидетельствует о весьма суровых наказаниях за нарушение воинской дисциплины и другие преступления военнослужащих в государствах Римской (германской) империи. Дангельмайер, в своей «Истории военно-уголовного права» весьма склонный идеализировать все, что относится к истории Германии, тем не менее должен был отметить, что «печальные последствия ослабшей дисциплины дали себя, однако, вскоре почувствовать. Пьянство и страсть к игре были злейшими врагами армий ландскнехтов, а женщины, следовавшие за лагерем, способствовали еще большим беспорядкам. Если жалование не выплачивалось иногда вследствие неудовлетворительного состояния войсковой администрации и затруднительного финансового положения некоторых государств, то зачастую происходили сильные мятежи». Поэт Гете (Фауст, часть II, акт I) устами воепачальника эпохи средневековья дает следующую характеристику положения командования в наемных войсках:

«Какое буйство в эти дни-то:
Всеж иль убийца иль убитый,
А на команду каждый глух!
Хоть взять наемного солдата,
Просить он дерзко денег стал.
И если б не за нами плата,
Он и совсем бы убежал».

Процессуальные права командования в армиях эпохи абсолютизма. В обществе, где происходит дифференциация функций государственной власти, командование слагает с себя непосредственное выполнение судебных функций, постепенно создавая особые для того органы.

Первое время военные суды состояли из назначенных командованием военнослужащих, причем приговоры судов утверждались командованием. Такой порядок существовал в эпоху абсолютизма почти во всех государствах Европы и сохранился с некоторыми изменениями до настоящего времени в Англии, США.

Чтобы не быть голословным, рассмотрим хотя бы бегло организацию военных судов эпохи абсолютизма во Франции и Германии. Согласно военному ординарцу французского короля Людовика XIV 1665 г., солдаты могли быть преданы военному суду только по приказу генерал-майора армии, а офицеры — только короля. Военные суды — военные советы образовались из 7 назначенных командованием полка офицеров, которые после заслушивания обеими, обязательно натошак, разбирали дело. Приговор суда подлежал утверждению высшего командования. Такая система во Франции, исключая период французской буржуазной революции, существовала до 1928 г.

В Пруссии, согласно инструкции аудитора Фридриха I 1712 г., нижние военные суды состояли из председателя — командира полка и назначенных им 12 военнослужащих. В высшем военном суде председательствовал фельдмаршал, а членами суда являлись назначенные им высшие офицеры.

Приговоры военных судов подлежали утверждению высшего командования.

«Юридический» элемент в военных судах (аудиторы) играл весьма ничтожную вспомогательно-справочную роль.

В России, по замечательному юридическому документу своей эпохи «Винскому уставу» 1716 г. Петра I, нижние или полковые военные суды созывались по мере надобности по распоряжению командира полка и состояли из назначенных им офицеров.

Высшие или генеральные военные суды состояли из назначенных царем или заменявшим его фельдмаршалом 4 генералов и 2 полковников.

Приговоры военных судов утверждались высшим командованием.

Следовательно, военные суды всецело находились во власти командования.

Необходимо к этому добавить, что командование в период абсолютизма принадлежало право без суда назначить такое дисциплинарное взыскание, как прогнание сквозь строй с избиванием палками, что часто кончалось смертью и почти всегда увечьем наказанного солдата.

Таким образом, командование в эпоху абсолютизма полностью сохраняло в своих руках возможность применения всех видов принуждения как административного, без суда, так и по суду. В простых, ясных случаях назначалось дисциплинарное взыскание. Для установления виновных лиц в запутанных сложных делах назначался суд с предшествовавшим ему предварительным следствием.

При господстве линейной тактики в эпоху абсолютизма «во время военных действий, войска располагались (на отдыхе) всегда в лагерьях, окруженных со всех сторон часовыми». В бою «войска располагались, двигались и действовали всегда под строгим и непосредственным надзором офицеров, в сплошных и сомкнутых

длинных». Словом, напор за солдатами представлял центральную задачу военной жизни. Иначе, зпрочем, и быть не могло, когда «ничто не связывало армию с интересами государства», когда «стремия служила для воина приуказкой к поступлению в ряды, а страх перед палкой или виселицей удерживал его под знаменами».

«... При подобных условиях, — отмечал в своей работе «Введение-уголовные право» (1897 г., стр. 35—36) проф. Кузьмин-Караванов, — отношения между начальниками и подчиненными, естественно, сводились к одному требованию от подчиненных полного и безусловного повиновения, — и приказ «повиновение» получил значение единственного, определяющего понятия воинской дисциплины. Индивидуальное развитие солдата было теперь не нужно, требовался солдат-автомат, нужно было подавить его личность, нужно было задуть его активные стремления, потому что у него было одно активное стремление бежать. Лучшее средство — развить страх. И чем ближе объект страха, тем лучше. Как средство воспитания, выдвигается палка, которой, по словам Фридриха II, солдат должен бояться больше, нежели пули неприятеля. Сознательное повиновение начальнику во имя идеи повиновения верховному вождю, вселенный которого он является проводником, не могло иметь места. Оно заменялось слепым, нерассуждающим повиновением начальнику, во имя страха наказания, страха перед палкой. Несмотря, однако, на это грозное средство, несмотря на последовательное проводившуюся систему устрашения суровыми карями, по свидетельству всех военных писателей, дисциплинарные отношения того времени не стояли на надлежащей высоте. В интересах же военного дела принцип слепого, нерассуждающего повиновения приводил к самым печальным последствиям».

В период абсолютизма, последний период феодальной эпохи, армии были построены на том же сословном принципе, на котором строилось и все феодальное общество. Общий принцип, что для каждого сословия существует особый суд, применился и к армии. Сословная структура общества совершенно открыто проявлялась во внутреннем строении армии. С одной стороны, бесправная солдатская масса, наработанная из числа трудящихся и эксплуатируемых классов, главным образом, из крепостных крестьян; с другой стороны, исключительно дворянский командный состав. Палочная дисциплина, на которой основывалась вся общественная организация феодальной эпохи, господствовала и в армии. Жесточайшие телесные наказания, вплоть до забивания на смерть палками (шпацрутентами), широкое применение смертной казни за самые ничтожные поступки — таковы были методы, с помощью которых командование удерживало в повиновении армию эпохи абсолютизма.

Военная юстиция в этот период предназначалась для осуществления этих террористических мероприятий и неизбежно должна была неизбежно находиться в руках командования.

Процессуальные права командования в армиях буржуазных государств. В буржуазных государствах формально был уничтожен сословный принцип комплектования армии. В одних государствах раньше, в других позже была введена всеобщая воинская повинность, всаглавляющая на каждого взрослого мужчину обязанность нести военную службу. Ленин характеризовал всеобщую воинскую повинность как бесспорно демократическое мероприятие: «Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан»¹. Буржуазные исследователи утверждают, что с момента введения всеобщей воинской повинности армия как сословие перестала существовать и превратилась в вооруженный народ. Из этого, казалось бы, должен был следовать вывод, что основания для существования находящейся под опекой командования особой военной юстиции должны были отпасть. Однако, на практике этого не случилось ни в одном буржуазном государстве. Дело в том, что всеобщая воинская повинность, являясь для всех граждан, существовала повсюду только на бумаге. «В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, — писал Ленин в цитированной выше статье, — потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений»². Практически и порядок повинности вербовалась лишь солдатская масса попрежнему преимущественно из трудящихся. Господствующие классы либо откупались от этой повинности, либо отбывали ее на льготных условиях (например, так называемые «вольноопределяющиеся» в царской России). Фактически сословная структура армии сохранилась, хотя и в смягченной форме. Солдатской массе, состоящей из представителей трудящихся классов, противостоял офицерский состав, состоящий из представителей господствующих классов. Вся разница с феодализмом была только в том, что в ряды офицеров, кроме дворянства, была допущена и буржуазия. В этих армиях солдат и командир являются прежде всего представителями двух классов, двух общественно-враждебных лагерей, и поскольку командир воплощает в себе идеи буржуазного классового господства, постольку он их силой навязывает своему подчиненному, которого государство обезличивает законодательными актами, превращая в простую механическую силу.

Иначе и быть не могло. Во вновь возникшем буржуазном государстве постоянное войско, — как отмечал Ленин, — «служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»³.

¹ Ленин. Соч., т. IV, стр. 70.

² Там же стр. 70—71.

³ Ленин. Соч., т. VIII, стр. 397.

которое эти офицеры могли бы указать на трибуналы, состоявшие при каждой армии¹.

Закон 22 января 1794 г. полностью устранил командование от участия в деятельности военных судов.

Но как только задача свержения абсолютной монархии руками трудящихся Франции буржуазией была выполнена, а из среды буржуазии и отбоя дворянства был подобран надежный офицерский состав, положение командования в военно-уголовном процессе стало иным.

После контрреволюционного переворота 9 термидора законом 17 сентября 1795 г. каждый генерал, командующий воинским соединением, получил право в случае надобности назначать временные военные суды — военные советы. Эти суды состояли из подобранных командованием лиц. Первоначально в их составе были и рядовые, а затем военные советы из 7 членов имели только одного унтер-офицера. Остальные члены военного совета назначались из офицеров. В таком виде, с рядом несущественных изменений, военные суды во Франции существовали и при Наполеоне I и после него. Кодекс военного правосудия 1857 г. не изменил главной черты зависимости военных судов от генералитета. Как отмечает Хюгеней, этот кодекс не вызывал до конца XIX в. резкой критики и «мог бы еще служить долгие годы». Внимание общественности к полной зависимости военных судов от высшего командования привлекло дело Дрейфуса. Беззастенчивое осуждение по прямому указанию военного министра 22 декабря 1894 г. первым военным советом Парижского военного губернаторства явно искипявшего капитана генерального штаба, еврея по национальности, Дрейфуса якобы за шпионаж, разделило общественное мнение буржуазной Франции на 2 лагеря: за и против осуждения Дрейфуса, за и против полной подчиненности военных советов (судов) командованию. Дело Дрейфуса закончилось в 1906 г. его реабилитацией. Правительственные и частные проекты реформы военной юстиции представлялись в парламент все эти годы, а военные советы (суды) продолжали существовать в их прежнем виде до издания кодекса военного правосудия для сухопутной армии 9 марта 1923 г.

Этим законом была сделана попытка сближения общей и военной юстиции. Организованные в каждом территориальном военном округе военные трибуналы рассматривали в мирное время дела в составе председателя — гражданского судьи (председателя или советника местного апелляционного суда) и 6 заседателей из числа военнослужащих. Список заседателей составлялся по особым правилам командованием. Предание суду военнослужащих производилось обвинительной камерой местного апелляционного (гражданского) суда, в состав которой командующий территориальным

¹ Хюгеней, Теоретический и практический курс военно-уголовного права, Париж, 1933 г., стр. 11.

военным округом вводил дополнительно в этом случае штаб-офицера. Приговоры военных трибуналов могли быть обжалованы в кассационный (гражданский) суд. В военное время военные трибуналы состояли исключительно из военнослужащих; приговоры могли быть обжалованы не в гражданский кассационный суд, а в специально организованные военно-кассационные суды. Следовательно, некоторая обособленность военных судов Франции от командования была исключительно в мирное время; во время войны влияние командования на решение дел военными судами резко возросло.

Первые военные суды в буржуазной Англии были организованы согласно «Акту о мятеже» 1689 г. Они созывались для рассмотрения каждого отдельного дела и состояли из назначенных командованием офицеров. «Акт об армии» 1881 г. и последующие его изменения сохраняли такой порядок организации военных судов до настоящего времени. Предание суду, созыв и определение состава военного суда исключительно из числа офицеров, утверждение приговоров военного суда в Англии вообще зависит от командования. Право созыва генеральных военных судов принадлежит по специальному уполномочию короля или главнокомандующего высшим офицерам. Право созыва военно-окружных судов (могущих рассматривать дела только о менее важных преступлениях солдат) командирами частей и соединений, получившими полномочия на созыв генерального военного суда, может быть дано и офицеру — и даже не ниже капитана.

Вне пределов Англии правом созыва поданных генеральных военных судов пользуется командир всякого отдельно действующего отряда, хотя бы только роты.

Таким образом, в Англии военные суды состоят целиком из офицеров, назначенных командованием. Единственный юридический элемент в английской военной юстиции — это бюро судебного генерал-адвоката при военном министре — орган судебно-административный, осуществляющий надзор за деятельностью военных судов. Уполномоченные судебного генерал-адвоката участвуют в судебных заседаниях генеральных военных судов в качестве юридических консультантов, с совещательным голосом присутствуя при осуждении и вынесении приговора.

Подобная организация военной юстиции делает ее мощным орудием в руках командования в деле борьбы за укрепление военной дисциплины в сравнительно небольшой по численности сухопутной армии.

В современной многомиллионной армии с ее сложным аппаратом снабжения, огромным количеством материальных ценностей при отсутствии особого следственного аппарата и кадра опытных военных юристов такая организация военных судов несомненно затрудняет установление фактов преступных злоупотреблений, особенно если командование части или соединения само к ним причастно.

Военные суды в США возникли еще в период войны за независимость, когда отдельные колонии (Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Гемпшир) издали «Воинские уставы» об организации военной юстиции по английскому образцу. В 1775 г. «Воинские уставы» были утверждены для всех колоний, ведущих свою борьбу за независимость с Англией. Согласно воинским уставам в их первоначальной редакции, командованию принадлежало право созыва в случае необходимости генеральных военных судов для рассмотрения дел о более тяжких преступлениях военнослужащих и полковых судов — для рассмотрения дел о менее тяжких преступлениях и проступках солдат. Как те, так и другие суды состояли из назначенных командованием офицеров. Приговоры военных судов обжалованию не подлежали, а представлялись на утверждение соответствующего командования. В дальнейшем в 1806, 1861—1865 и в 1916 гг. в порядок организации и деятельности военных судов США вносились некоторые изменения, но роль командования при этом оставалась неизменной.

По ныне действующей в США редакции воинских уставов от 4 июня 1920 г. с изменениями 20 августа 1937 г. возбуждение уголовного дела, назначение дознания, предание суду, назначение состава суда, обвинителя и защитника, а также утверждение приговора относятся к исключительной компетенции командования.

Создание юридического департамента при военном министерстве во главе с генеральным судьей-адвокатом, призванным наблюдать за отправлением правосудия в войсках и вместе с тем поддерживать лично или через подчиненных ему лиц обвинение в генеральных военных судах, не отразилось значительно на роли командования в военно-уголовном процессе, так как судья-адвокат сам подчинен военному министру, а на местах — командирам соединений.

Все же в США юридический элемент в военных судах представляется несколько больше, чем в Англии. Судьи-адвокаты — это военные прокуроры со значительно большими функциями, чем судьи-адвокаты в Англии. Кроме того, в составе генеральных военных судов в США один из судей обязательно должен быть юристом (сотрудником юридического департамента военного министерства или другой части военного ведомства).

Процессуальные права командования в дореволюционной русской армии. В результате военно-судебной реформы 1867 г. низшие инстанции царской военной юстиции — полковые суды, рассматривавшие дела о менее важных преступлениях солдат, были отданы на полное попечение командиров полков. Командир полка из числа офицеров назначал дознавателя, а по окончании дознания предавал виновное лицо суду и назначал состав полкового суда: на 1 год председателя, на 6 месяцев судей. Ему же принадлежало и право конфирмации приговоров этого суда. При несогласии командира полка с приговором дело направлялось в военно-окружную суд. Военно-окружные (а в действующей армии корпусные) суды явля-

лись судами первой инстанции по делам о более важных преступлениях солдат и всех преступлениях офицеров. Они состояли из постоянных военных судей, военных юристов (в генеральских или штаб-офицерских чинах или военных чиновников) и временных членов — штаб и обер-офицеров, назначаемых на определенный срок командующим войсками округа. Как постоянные, так и временные члены составляли единую коллегию. Главный военный суд являлся кассационной инстанцией для военно-окружных судов и, как все военные суды царской России, находился в фактическом подчинении у военного министра. Решение вопроса о возбуждении уголовного дела и предании суду военнослужащих относилось к компетенции соответствующих командиров. Главнокомандующему в военное время принадлежало право помилования осужденных военнослужащих, отмены обжалованных по отдельным категориям дел или на определенный срок. Командиры корпуса и высшие военные начальники имели право отсрочить исполнение приговора до окончания войны и вовсе освободить осужденного от отбытия наказания, если он проявит храбрость в бою.

Таковы были права командования по военно-судебному уставу 1867 г.

Тем не менее, военно-судебный устав 1867 г., построивший военно-уголовный процесс на принципах гласности, устности, непосредственности и соизводительности, сделал военные суды относительно более независимыми от командования, чем раньше и чем в странах Западной Европы.

Буржуазное Временное правительство фактически не изменило положения военной юстиции по отношению к командованию, хотя и попыталось произвести реформу военных судов в виде замены назначенных командованием временных членов выборными военными присяжными заседателями, введения выборности состава полковых судов и т. д. Но все это были чисто внешние реформы, не затронувшие глубоко самой сущности действовавшей системы.

Взаимоотношения советской военной юстиции с командованием в 1917—1926 гг. В результате Великой Октябрьской социалистической революции царская военная юстиция была ликвидирована. В период Великой Октябрьской социалистической революции до создания Красной Армии в частях Красной гвардии не было военных судов. Дела о преступлениях военнослужащих были подступными местным народным судам и революционным трибуналам, организованным согласно декрету о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. и последующим декретам советской власти о суде. После организации Красной Армии первое время дела о наиболее важных преступлениях попрежнему подлежали рассмотрению в обычных судебных органах. Для рассмотрения менее важных дел приказом Народного комиссариата по военным делам от 23 июля 1918 г. были организованы фронтовые (отдельные) местные суды, реорганизованные 10 июня 1919 г. постановлением СНК РСФСР в полковые суды. Эти суды были выборные. Из числа избранных кандидатов

командир части, а там, где его не было, командир назначали председателем полкового суда и двух полковых судей.

Судебные заседания полкового суда проходили под председательством одного из полковых судей и двух заседателей, по выбору из числа избранных. Приговоры полкового суда могли быть обжалованы в совет полковых судей дивизии. Последний состоял из постоянных членов, назначаемых окружным военным комиссаром или революционным военным советом и привлекаемых по очереди на заседания совета полковых судей.

Командование и политорганы Красной Армии, следовательно, участвовали в передаче полковому суду военнослужащих, совершивших проступки и менее важные преступления, а также в известной мере влияли на подбор полковых судей и членов постоянного присутствия совета полковых судов. Как полковые, так и фронтальные местные суды оказали малое влияние на борьбу с преступностью в Красной Армии из-за незначительности своей компетенции. Они прекратили свое существование в октябре 1921 г.

Идея создания действенных органов борьбы с контрреволюционными преступлениями, дезертирством и другими серьезными воинскими преступлениями в Красной Армии — революционных военных трибуналов возникла на фронте гражданской войны в командировании и политорганах. Начиная с середины 1918 г., революционные военные советы ряда фронтов и армий стали создавать военные суды с самой различной компетенцией, составом и порядком деятельности. Приказом Реввоенсовета республики № 91 от 14 октября 1918 г. об организации реввоен трибунала при Реввоенсовете республики и организации реввоен трибуналов фронтов, армий и дивизий — все эти стихийно возникшие органы советской военной юстиции были приведены в определенную систему и поставлены под руководство Реввоенсовета республики и РВС фронтов. 4 февраля 1919 г. Реввоенсовет республики утвердил первое «Положение о революционных военных трибуналах». В этом первом положении о революционных военных трибуналах от 4 февраля 1919 г., как известно, имелся ряд существенных недостатков, не было ни слова о вмешательстве командования в деятельность ревтрибуналов. Этот акт содержал следующие положения:

1. Революционный военный трибунал состоит из председателя и двух членов по назначению соответствующего революционного военного совета.

2. В своих решениях и приговорах революционный военный трибунал руководствуется интересами социалистической республики, обороной ее от врагов социалистической революции и интересами классовый войны за тожество пролетариата, как это поддается ему революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью.

3. Решения и приговоры революционного военного трибунала являются законом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

4. Революционному военному трибуналу подсудны все политические дела и военного характера преступления.

5. Следствие ведут военные следователи революционного военного трибунала или же чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией или военной контроль.

6. По окончании следствия весь следственный материал передается председателю трибунала, который по ознакомлении с делом (лично или через одного из членов трибунала) принимает дело к слушанию, причем докладчиком по делу в трибунале является либо председатель, либо тот член трибунала, которому председателем поручено было ознакомление с делом. В исключительных случаях докладчиком может быть назначено особое лицо.

7. Решения РВТ не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

8. О решениях РВТ сообщается в «Известиях РСФСР». Как видно из приведенного, Реввоенсоветам по Положению от 4 февраля 1919 г. не принадлежало даже право утверждения приговора с высшей мерой наказания.

Положение о революционных военных трибуналах от 2 ноября 1919 г. также говорило, что революционные военные трибуналы состоят при соответствующих реввоенсоветах (ст. 2). Коллектив реввоен трибунала назначался по представлению реввоенсовета — вышестоящим реввоенсоветом, причем «каждый член Революционного военного трибунала может быть в любой момент устранен от должности распоряжением назначившего его революционного военного совета...» (ст. 11).

По военные следователи назначались и увольнялись из реввоенсовета, а трибуналом, при котором они состояли. Согласно ст. 18 Положения одним из поводов к возбуждению дела являлось сообщение военных властей (ст. 18), причем трибунал мог как назначить дело к слушанию по этому сообщению, так и вернуть его командованию для разрешения в дисциплинарном порядке (ст. 19 и «д»). Как указано в ст. 33 Положения, «При постановлении приговора революционные военные трибуналы руководствуются исключительно выяснившимися при рассмотрении дела обстоятельствами такового и своей революционной совестью». Таким образом в ставших предания суду и судебного разбирательства командование процессуальными правами, по положению от 20 XI 1919 г. не обладало. Но «во всех приговорах, которыми обвиняемые присуждаются к расстрелу, революционные военные трибуналы немедленно доводят до сведения революционного военного совета, при котором состоит данный революционный трибунал, и революционного военного трибунала республики. По истечении 48 часов со времени извещения революционного военного совета, приговор вступает в законную силу и немедленно приводится в исполнение. Все прочие приговоры революционных военных трибуналов входят в законную силу и обращаются к исполнению немедленно...» (ст. 36).

Реввоенсоветам принадлежало право приостанавливать любой приговор, вынесенный состоявшим при нем РВТ (ст. 37); в этом случае дело передавалось на рассмотрение вышестоящего трибунала. Положением о революционных военных трибуналах от 4 мая 1920 г. содержалось аналогичное постановление.

Следует учесть, что в период гражданской войны не только реввоен трибуналы, но и органы, осуществлявшие борьбу с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте — особые отделы ВЦИК, состояли под общим политическим руководством реввоенсовета, которым принадлежало право давать задания этим органам и контролировать их выполнение (СУ РСФСР, 1919 г. № 5, ст. 58).

Итак, мы видим, что всеми законодательными и ведомственными актами периода гражданской войны и иностранной интервенции реввоен трибуналы объявлялись органами соответствующих реввоенсоветов (армий, фронтов, республик). Председатели и члены реввоен трибуналов назначались соответствующими реввоенсоветами. Последним принадлежало право утверждать приговоры к расстрелу и приостанавливать приговоры к другим мерам наказания. Однако, хотя реввоен трибуналы и являлись в тот период органами соответствующего реввоенсовета, но с самого начала советская военная юстиция в отличие от военных судов буржуазных государств провозгласила принцип независимости военных судов от командования. За военными командными органами было оставлено только общее направление деятельности революционных военных трибуналов, назначение их состава и некоторые процессуальные права. Права вмешательства в рассмотрение конкретных дел РВТ командование и политорганы в этот, как и в последующий, периоды не имели.

Характер взаимоотношений реввоен трибуналов с командованием явственно показал и резолюция Первой Всеукраинской конференции реввоен трибуналов, проходившей 22—25 февраля 1921 г. По вопросу о взаимоотношениях с реввоенсоветами в резолюции конференции записано следующее: «Реввоен трибунал относится к реввоенсовету, как к вышнему и всецело ответственному политическому органу данного участка фронта, к которому реввоен трибунал подчинен административно и оперативным».

В связи с этим взаимоотношения выливаются в форму теснейшего контакта с таким расчетом, что реввоен трибунал по указаниям и предложениям реввоенсовета мог сразу соответствующим образом реагировать на все явления жизни Красной Армии и ближайшего к фронту тыла, что отнюдь не значит, что РВТ мог вмешиваться в чисто процессуальную и карательную область работы реввоен трибунала.

В отношении процессуальной реввоен трибунал подчиняется исключительно РВТ степенно выше.

За карательной политикой наблюдает реввоенсовет, степенью выше того, при котором состоит данный трибунал, а реввоен трибунал, при нем состоящий, в руках которого сосредоточены все

фактические данные о деятельности отдельных РВТ, дающие возможность правильно наметить или изменить существующую карательную политику.

Резолюция далее подчеркивала, что «Производимые назначения реввоенсоветом, при котором состоит данный трибунал, членов коллегии необходимо объявлять в форму предложений реввоенсовету, выше стоящему, который в свою очередь утверждает выданных кандидатов согласовав с реввоен трибуналом, при нем состоящим». Впрочем, последнее являлось не более как пожеланием.

В период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства по Положению о судеустройстве РСФСР от 3.XI.1922 г. и по положениям о судеустройстве других союзных республик революционные военные трибуналы, переименованные в военные трибуналы, были изъяты из военного ведомства и вошли в систему НКЮ союзных республик. Положение о судеустройстве РСФСР от 3.XI.1922 г. (в статье 2) следующим образом обосновывало необходимость существования особых военных судов и их задачи:

«Для рассмотрения дел специальных категорий, ввиду особой сложности таковых дел, необходимости специальных знаний и навыков для их рассмотрения и по соображениям особой опасности отдельных категорий преступных дел для военной мощи республики или же хозяйственного строительства, — наряду с единой системой народных судов РСФСР, временно действуют следующие специальные суды: а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи Красной Армии — военные трибуналы, б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, — военно-транспортные трибуналы».

Несмотря на вхождение военных трибуналов в систему НКЮ союзных республик, некоторая организационная связь с революционными военными советами у советской военной юстиции все же осталась. Выразилось это прежде всего в согласовании назначений работников военных трибуналов и даже военной коллегии Верховного суда РСФСР, а затем в координации действий всех карательных органов военно-политическими совещаниями (см. о них ниже).

Но независимость военной юстиции выделением ее из военного ведомства была подчеркнута более резко, чем в период существования реввоен трибуналов при соответствующих реввоенсоветах. Согласно ст. 56 Положения о судеустройстве РСФСР председатель и члены Верховного суда утверждались Президиумом ВЦИК, причем председатель Верховного суда, его заместитель и председатели судебных коллегий назначались Президиумом ВЦИК непосредственно, прочие же члены Верховного суда по представлению Народного комиссара юстиции. Члены военной коллегии назначались Президиумом ВЦИК по представлению Революционного военного совета республики с заключением Народного комиссара юстиции.

Военные трибуналы округов и фронтов состояли из председателя, его заместителя и четырех членов, из числа кандидатов, выдвигаемых революционными военными комитетами округов или фронтов или командующими войсками и утверждаемых приказом военной коллегии по соглашению с Революционным военным советом республики.

Военные трибуналы корпусов состояли из председателя и четырех членов, утвержденных военной коллегией Верховного суда из числа кандидатов, выдвигаемых революционными военными комитетами округов или фронтов (ст. 88 Положения).

Военной коллегии Верховного суда РСФСР принадлежало право смещения, перемещения председателей и членов военных трибуналов во всякое время с доведением об этом до сведения соответствующих революционных военных советов.

Ст. 85 Положения о судостроительстве РСФСР подчеркивала, что все военные и военно-транспортные судебные учреждения РСФСР всех союзных и автономных республик действуют под общим контролем и наблюдением Народного комиссариата юстиции и Верховного суда РСФСР. Организация и ближайший надзор за деятельностью военных и военно-транспортных судебных учреждений возлагается на военную и военно-транспортную коллегию Верховного суда.

Командование не имело права жаловаться на работников военных трибуналов дисциплинарные взыскания, так как согласно ст. 91 Положения «В порядке дисциплинарного производства военные трибуналы при округах, корпусах и армиях и транспортные окружные трибуналы подчинены дисциплинарной коллегии Верховного суда, военные трибуналы при дивизиях, — дисциплинарным коллегиям военных трибуналов при округах и корпусах...»

В 1921 г. в связи с организацией Верховного суда СССР военные трибуналы вошли в систему последнего. На Военную коллегию Верховного суда СССР было возложено руководство деятельностью военных трибуналов, а также назначения и увольнение председателей и членов ВТ. Назначение председателей и членов военных трибуналов округов, фронтов, флотом, а также председателей военных трибуналов корпусов должно было согласовываться с Революционным советом СССР, с предварительным заключением НКЮ союзных республик. Последние затем практически не требовались.

Организация новых и ликвидация существовавших военных трибуналов производилась Военной коллегией по представлению РВС СССР.

В дальнейшем взаимоотношения с командованием стали определяться выше действующим Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20.VIII.1926 г.

В этот период существовала особая форма координации деятельности всех карательных органов в Красной Армии — военно-политические совещания.

Сводились приказом РВС республики в 1922 г. военно-политические совещания состояли из начальника политуправления округа, фронта (нач. политотдела дивизии), председателя военного трибунала, военного прокурора и начальника особого отдела — под председательством члена военного совета округа или военного комиссара дивизии (корпуса). Периодически созываемые военно-политические совещания обсуждали все необходимые мероприятия по борьбе с преступностью в армии, вырабатывали формы и методы правильного сочетания мер репрессии с мерами воспитательного характера, координировала деятельность всех карательных органов между собой, с палатными и с командованием.

Мы видим в деятельности военно-политических совещаний, просуществовавших до 1940 г., одну из форм партийно-политического руководства органами военной юстиции со стороны командования без вмешательства в рассмотрение отдельных дел, с сохранением принципа независимости судей.

Задачи военной юстиции и процессуальные права командования. Основной задачей военной юстиции является борьба с преступлениями в армии и поддержание в ней железной военной дисциплины, пресечение всякой попытки нарушения дисциплины, восстановление порядка несения военной службы, воспитание всего состава в духе выполнения всех приказов командования даже тогда, когда это связано для исполнителя с риском для жизни.

Над Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин в своих приказах неоднократно указывал, что железная воинская дисциплина является одной из главнейших предпосылок для победы над врагом. Следовательно, органы советской военной юстиции, спешившую поддержку и укреплению железной воинской дисциплины, тем самым способствуют повышению боеспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР.

По вопросу о единоначалии существует единое мнение даже среди буржуазных юристов разных школ и направлений. Так, проф. Кузьмин-Караваев отмечает, что «первое основное условие военного быта (бития войска) — идея единой воли»¹. Ему вторит Луренц Штейн: «Подобно каждой другой силе, войско должно безусловно повиноваться единой воле»².

«Каждый солдат не только не должен нарушать права, но и устраивать всю свою жизнь и все свое поведение таким образом, чтобы она согласовалась с существом и задачей военного быта. Поэтому начальникам должно быть предоставлено право принуждать каждого к исполнению этой обязанности. Эту обязанность называем мы дисциплиной, а средство для выполнения ее дисциплинарным правом»³.

¹ Кузьмин-Караваев. Военно-уголовное право. Часть общая, 1895 г. стр. 14, см. там же стр. 12.
² Л. Штейн. Учение о военной силе, 1875 г., стр. 215.
³ Там же, стр. 219, 228-239.

Идея единой воли в армии заходит свое выражение в беспрекословном выполнении приказов командования, в строгом соблюдении воинской дисциплины.

Борьба за поддержание воинской дисциплины и составляет основное содержание работы военной юстиции.

Процессуальные права командования Красной Армии. Основной задачей всех органов, ведущих борьбу с преступностью в армии, является установление и поддержание строжайшей воинской дисциплины. За состояние дисциплины среди подчиненных в первую очередь несет ответственность командир, наделенный всей полнотой власти, вплоть до применения в необходимых случаях оружия к злостным нарушителям дисциплины. В силу этого командование принимает активное участие в борьбе с преступностью в армии и обладает рядом процессуальных прав, являясь (но не во всех случаях) одним из субъектов военно-уголовного процесса. От командования в известной мере зависит направление и движение уголовного дела.

Командиры всех степеней наделены дисциплинарными правами, а командиры соединений (на фронте, в военное время, и командиры частей) и правом направлять на основании материалов дознания нарушителя дисциплины в дисциплинарную (штрафную) часть. Командованию принадлежит также право передачи дела в суд в отношении злостных нарушителей воинской дисциплины. Отсюда тесная связь и взаимодействие между командованием и органами военной юстиции.

Вместе с тем необходимо не забывать, что командование обладает и широко пользуется мерами воспитательного порядка, а не только мерами принуждения, но эта сторона деятельности командования нами здесь не затрагивается.

Процессуальные права командования Красной Армии в основном следующие:

- 1) возбуждение уголовного дела назначением дознания;
- 2) возбуждение уголовного преследования и производство процессуальных действий в стадиях дознания, направленных к изобличению лица, совершающего преступление, решение вопроса о направлении дознания;
- 3) решение вопроса о дисциплинарной или судебной ответственности подчиненных ему военнослужащих в случаях совершения ими преступлений, стоящих на грани с преступлениями;
- 4) дача согласия на арест, привлечение к уголовной ответственности и предание суду лиц офицерского состава; утверждение передачи дел следственным органам в отношении лиц рядового и сержантского состава;
- 5) при исключительных обстоятельствах в действующей армии — утверждение приговора к высшей мере наказания;
- 6) решение вопроса о предании суду и утверждении приговора по делам о немецко-фашистских злодеях и их пособниках, виновных в убийствах и издевательствах над мирным советским насе-

лением и пленными красноармейцами и в других тяжких преступлениях.

В остальных случаях командование не является субъектом уголовного процесса, не имеет процессуальных функций.

Наиболее широкие полномочия во всех областях жизни и быта армии имеет Верховное Главнокомандование. Вопрос поддержания должного порядка в армии, высокого политико-морального ее состояния — один из основных вопросов прерогативы Верховного Главнокомандующего.

Военные суды — одно из средств борьбы за укрепление воинской дисциплины, один из рычагов в руках Главного Командования.

Хотя в СССР военные трибуналы и находятся в системе Народного комиссариата юстиции, а не Народного комиссариата обороны СССР, но последний дает директивы по борьбе с преступностью в армии, заостряя в своих приказах внимание органов военной юстиции на наиболее актуальных в данный момент вопросах борьбы с преступностью.

Особое место занимают приказы и указания Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина. Указания товарища Сталина положены в основу деятельности всех органов советской военной юстиции, каждого ее работника.

Таким образом высшие военные органы в лице Верховного Главнокомандующего Народного Комиссара Обороны СССР и Государственного Комитета Обороны (созданного на время Великой отечественной войны) являются направляющими, директивными по отношению к военной юстиции.

В мирное время процессуальные права следующего командного звена — военных советов округов, фронтов, армий и флотов несколько меньше, чем в военное время.

Во время войны усиливается роль военных советов фронтов. К ним переходит ряд функций, осуществляемых в мирное время непосредственно НКЮ СССР. Военные советы дают согласие на привлечение к уголовной ответственности, арест и предание суду отдельных категорий военнослужащих, а также, в исключительных случаях, на обращение к исполнению приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания. Все эти мероприятия направлены к ускорению процесса в военное время.

В пределах фронта (округа, флота, армии) военный совет является высшим военным органом. Согласно ст. 13 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. председатели ВТ информируют военные советы (и командиров соединений) о своей борьбе с преступностью. Следовательно, военные советы фронтов являются также директивными органами для органов военной юстиции фронта.

Они могут указать на общее направление борьбы с преступностью, и эти указания обязательны для органов юстиции, если они не противоречат директивам центра (НКЮ СССР и Прокурора СССР).

В военное время военным советам принадлежит право дачи согласия на привлечение к уголовной ответственности, арест и предание суду старшего офицерского состава. На практике и возбуждение дела в отношении генералов и офицеров вообще имеет место в большинстве случаев по инициативе или с согласия командования.

В ст. 16 Дисциплинарного устава Красной Армии сказано, что командование решает вопрос о дисциплинарной или уголовной ответственности в тех случаях, когда действия военнослужащего граничат между служебным проступком и уголовным преступлением. Вполне естественно, что нельзя отвести к «служебному проступку» такие действия военнослужащего, как убийство, изнасилование, ограбление и т. д. Однако и в этих случаях и по этому роду преступлений санкции командования на привлечение к уголовной ответственности и предание суду требуется.

Значительно меньшая сумма процессуальных прав принадлежит командирам соединений (корпусов, дивизий, отдельных бригад). Их права сводятся главным образом к даче согласия на арест, привлечение к уголовной ответственности и предание суду сержантов и рядовых. В исключительных случаях командиры соединений принадлежит право утверждения приговоров к высшей мере наказания.

Обязанность командиров соединений поддерживать высокое политико-моральное состояние вверенных им войск заставляет их принимать самое деятельное участие в организации борьбы с преступностью.

Эта деятельность командиров соединений выражается в их распоряжениях о передаче дел о тех или иных лицах в органы военной прокуратуры или в даче распоряжений о производстве дознания о преступной деятельности подчиненных им лиц.

Согласно ст. 13 Положения о военных трибуналах от 23 июня 1941 г. председатели военных трибуналов (а согласно «Временному наставлению по работе военных прокуроров» и военные прокуроры) периодически информируют командование соединений о состоянии преступности и мерах борьбы с ней. Командование соединений в этих случаях имеет возможность высказать свою точку зрения о судебной практике военных трибуналов и недостатках в работе органов военной прокуратуры и совместно наметить пути и методы борьбы с преступностью в соединении.

До 1940 г. согласование деятельности всех органов, ведущих борьбу с преступностью, производилось на военно-политических совещаниях.

Низшим звеном командования с рассматриваемой нами точки зрения являются командиры отдельных воинских частей и начальники военных учреждений и заведений. Они являются органами дознания. Как таковые, они вправе возбуждать уголовное дело, поручая одному из подчиненных им офицеров (должностных лиц) производство дознания о том или ином преступлении или чрезвычайном происшествии во вверенной им части.

При производстве дознания командир части дает обязательные для дознавателя указания. Он же разрешает дело в порядке дисциплинарном, прекращает дело или направляет его через военного прокурора для предания суду виновных лиц. Эти права направлены прежде всего на поднятие авторитета командира, укрепление единоначалия в армии и сосредоточение в руках командира необходимой полноты власти.

Указания военного прокурора при производстве дознания обязательны для командира части. При несогласии с прокурором командир части может ставить вопрос перед вышестоящим военным прокурором об отмене данных ему указаний.

Если же командир части или соединения издал приказ о направлении военнослужащего в штрафную часть, то, поскольку приказ командира является административным актом, а не процессуальным, он может быть только опротестован военным прокурором в порядке общего надзора.

Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин в своем приказе № 70 от 1 мая 1944 г., перечисляя источники побед Красной Армии, одним из них назвал «высокий моральный дух и наступательный порыв бойцов и командиров». Воспитание личного состава армии стойким, дисциплинированным, в полной готовности отдать свою жизнь за родину, за Сталина — большая, сложная и ответственная задача. Ее решают совместными усилиями командования, политические органы армии, военная прокуратура и военные трибуналы.

Работа военной юстиции в области борьбы за высокое политико-моральное состояние войск протекает в тесном взаимодействии с политическими органами армии, под общим их партийно-политическим руководством, но без вмешательства последних в разрешение конкретных уголовных дел. Политические органы армии обеспечивают проведение широкой разъяснительной работы вокруг приговоров военных трибуналов, помогая органам военной юстиции лучше сочетать цели общей и частной превенции.

Роль командования в возбуждении уголовных дел. В стадии возбуждения уголовных дел командование выступает двояко: во-первых, как орган, возбуждающий самостоятельно уголовное дело назначенным должным о преступлениях военнослужащих, а также вольнонаемных работников данной воинской части или соединения; во-вторых, как источник (повод) информации органов военной прокуратуры о совершившемся в данной воинской части или соединении преступлении.

В советском военно-уголовном процессе командование не принадлежит монополия на возбуждение уголовных дел, как это имеет место в английской, французской армиях и армии США, в которых дела в отношении преступлений военнослужащих могут возбуждаться только по распоряжению соответствующего командования. Исключением составляют дела об общих уголовных преступлениях военнослужащих, совершенных вне расположения воин-

ской части, которые возбуждаются самими потерпевшими перед общими судами.

Военно-судебный устав царской России возбуждение уголовных дел в отношении военнослужащих о преступлениях, подлежащих военным судам, относил к компетенции командования, а возбуждение уголовных дел об общих уголовных преступлениях военнослужащих, совершенных совместно с гражданскими лицами вне расположения воинской части и в некоторых других случаях, относил к компетенции также и гражданских властей.

В СССР, помимо командования, дела могут возбуждаться органами военной прокуратуры, военными трибуналами и некоторыми другими органами.

Гражданская прокуратура, общие органы расследования и суды также не лишены права возбуждения уголовных дел в отношении военнослужащих. Однако в дальнейшем все материалы передаются ими военной прокуратуре по подследственности. Хотя практически подавляющее большинство дел о преступлениях военнослужащих начинаются по инициативе командования, но руководящее положение в этой стадии уголовного процесса сохранено все же за военной прокуратурой.

По делам о преступлениях контрреволюционных командовании, как правило, не назначает производства дознания, а немедленно передает все имеющиеся материалы соответствующим органам или военной прокуратуре.

В силу ст. 108 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик командование как орган дознания, как правило, не приступает к производству дознания, а сообщает о наиболее тяжких преступлениях, по которым обязательно производство предварительного следствия, соответствующему военному прокурору. Только при необходимости сохранить следы преступления командование как орган дознания принимает меры к производству неотложных следственных действий с тем, чтобы в дальнейшем передать все материалы прибывшему на место происшествия военному следователю. Таким образом, по делам о наиболее важных преступлениях командование ограничивается в подавляющем большинстве случаев сообщением о преступлении военному прокурору, который и возбуждает уголовное дело.

Руководящее положение советской военной прокуратуры в этой стадии уголовного процесса остается и по тем делам, которые возбуждаются непосредственно самим командованием назначением дознания. Согласно §§ 5—8 Инструкции органам дознания Красной Армии, а также п. «г» ст. 20 и ст. 21 Временного наставления в работе военных прокуроров Красной Армии, военные прокуроры вправе не согласиться с назначением дознания и дать указание о прекращении его. Эти указания военного прокурора обязательны для командования как органа дознания. Командование вправе опротестовать решение военного прокурора, не приостанавливая исполнения, перед вышестоящим военным прокурором.

В советском уголовном процессе не требуется согласия командования на возбуждение уголовного дела: ни военный прокурор, ни военные следователи не связаны необходимостью получения согласия командования на возбуждение уголовного дела.

Является ли такой порядок вполне правильным? Какие изменения, исходя из опыта Великой отечественной войны, необходимо внести в установившийся порядок возбуждения уголовных дел?

В основном действующий ныне порядок возбуждения уголовных дел и процессуальные права командования в этой стадии уголовного процесса не требуют изменений. Тем не менее, в советской юридической литературе уже высказывались соображения о необходимости некоторых изменений в действующем порядке. Так, проф. Голунский в тезисах своего доклада «Об основных принципах и задачах военно-уголовного процесса» высказался за монополию командования в деле возбуждения уголовных дел в отношении военнослужащих. Проф. Строгович в своей работе «Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии» (Труды ВЮА КД, выпуск III, 1943 г., стр. 59—60) частично присоединяется к точке зрения проф. Голунского, считая целесообразным получение согласия командования на возбуждение уголовного дела вместо получения согласия на привлечение офицера в качестве обвиняемого.

Практически нецелесообразно устанавливать монополию командования на возбуждение уголовных дел. Возбуждение уголовного дела — это та стадия уголовного процесса, когда имеются лишь первичные материалы, говорящие в самом общем виде о том или ином преступлении. Желательно решение вопроса о наличии достаточных данных для возбуждения уголовного дела предоставлять наиболее компетентным органам, а именно — военной прокуратуре. Кроме того, командование части в отдельных, хотя и редких случаях, бывает прямо или косвенно заинтересовано в скрытии тех или иных отрицательных явлений в части. Было бы неправильно лишать военную прокуратуру как орган надзора за законностью права реагировать на те или иные преступные действия в части без согласия командования.

Тем не менее, существует категория дел, по которым решение вопроса о целесообразности дисциплинарного или уголовного преследования принадлежит и всегда будет принадлежать не судебным следственным и прокурорским органам, а командованию. По некоторым воинским преступлениям (неисполнение приказа, самозвольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений и т. д.) никому, кроме соответствующих командиров, нельзя правильно решить вопрос о необходимости привлечения военнослужащего к судебной ответственности. Дела о преступлениях вышних командиров практически никогда не будут начаты без согласия соответствующих органов высшего командования.

В рамках имеющихся у командования как органа дознания прав являются ненужными какие-либо изменения в действующем законодательстве и по приведенной выше категории дел.

Командование как орган дознания. Дознанием в Красной Армии называется производимое расследование, производимое лицами офицерского состава, военными дознавателями, по распоряжению командира воинской части (соединения, учреждения, заведения) в преступлении или чрезвычайном происшествии в отличие от предварительного следствия, производимого военным следователем, военным прокурором или другими органами.

Дознание назначается для расследования преступлений, совершенных военнослужащими, независимо от того, совершено ли преступление на территории части или вне ее. Кроме того, дознание назначается для расследования чрезвычайных происшествий.

Дознание производится письменно, с точным соблюдением права уголовно-процессуального кодекса и утвержденной Прокурором СССР и обязательной приказом НКО СССР «Инструкции органам дознания Красной Армии».

Задачи дознания — выяснить все обстоятельства преступления или чрезвычайного происшествия, обнаружить виновных и установить причины, продолжившие данное преступление.

В тех случаях, когда командование находит нужным расследовать проступок, заведомо подлежащий разрешению в дисциплинарном порядке, или расследовать обстоятельства, не имеющие характера чрезвычайного происшествия, оно назначает ведомственное расследование. Ведомственное или административное расследование ведется в произвольной форме устно или письменно и может быть поручено любому лицу из состава части.

Если в процессе производства ведомственного расследования будет установлено наличие преступления, назначается дознание.

Новое действующий уголовно-процессуальный закон возлагает на органы дознания Красной Армии предварительное расследование наиболее сложных военных и общеуголовных преступлений. Сюда относятся:

а) неисполнение приказов, оказание сопротивления и принуждение к нарушению обязанностей военной службы, б) оскорбление, в) побег и самовольные отлучки, г) уклонение от военной службы, д) промотание, порча и утрата военного имущества, е) нарушение прохода караульной и внутренней службы, ж) анутикарные кражи, з) хулиганство.

В военное время и в боевой обстановке органы дознания Красной Армии могут производить предварительное расследование и по делам о побеге с поля боя, мародерстве и др.

По более сложным делам органы дознания Красной Армии производят лишь неотложные следственные действия и до прибытия военного следователя принимают меры к сохранению обстановки происшествия или следов преступления.

Органами дознания Красной Армии являются командиры отдельных воинских частей, соединений, учреждений и заведений.

Для производства дознаний командир части назначает ежегодно приказом по части из числа офицеров:

а) на подк — 5—6 дознавателей,

б) на отдельный батальон — 2—3 дознавателей и т. д.

Военный дознаватель имеет право:

а) докладывать по вопросам, связанным с производством дознания, непосредственно командиру части;

б) производить в расположении части осмотр всех необходимых документов и получить их подлинники или копии для приобретения к дознанию;

в) производить осмотр места происшествия с изъятием вещественных доказательств;

г) производить допросы всех лиц рядового и офицерского состава своей части, за исключением командира части.

Во время производства дознания дознаватель, как правило, освобождается от других служебных обязанностей.

При постановке задачи дознавателю командир части не ограничивается приказанием произвести дознание, а подробно разъясняет дознавателю:

а) что именно надо вывести;

б) какие действия должны быть произведены в первую очередь.

Одновременно командир части назначает срок производства дознания.

Командир части во время производства дознания руководит работой дознавателя: принимает его доклады и дает необходимые дополнительные указания об объеме и направлении расследования.

В неотложных случаях командир части разрешает дознавателю производить обыск, а в остальных случаях предварительно получает разрешение на производство обыска у военного прокурора или военного следователя.

На командире части лежит обязанность утверждать постановление дознавателя о привлечении подозреваемого лица к дознанию в качестве обвиняемого, о предварительном получении санкции командования соединения и отношении лиц офицерского состава. Он же утверждает постановление дознавателя о задержании преступника с немедленным уведомлением о том военного прокурора и об избрании меры пресечения (в виде ближайшего наблюдения и об избрании меры пресечения) из лиц рядового и младшего начсостава и подлинки о невыезде в отношении лиц офицерского состава или заключении под стражу — с санкции военного прокурора).

На нем же лежит разрешение жалоб на действия дознавателя, рассмотрение заявления против него отвода.

Командование части знакомится по докладу дознавателя с материалами оконченного дознания и решает вопрос:

а) о прекращении дознания с разрешением одновременно в необходимых случаях вопроса о дисциплинарной ответственности виновного лица или передаче дознания на рассмотрение в товарищеский суд или направлении виновного в штрафную часть;

б) утверждает обвинительное заключение, составленное дознавателем и дает распоряжение о направлении дознания в военную прокуратуру для привлечения виновного к судебной ответственности.

Согласно ст. 15 Дисциплинарного устава и ст. 77 Временного наставления по работе военных прокуроров в случае передачи дознания в военную прокуратуру, командование части предварительно должно согласовать этот вопрос с командованием дивизии (в отношении лиц рядового и сержантского состава срочной службы). Таковы права и обязанности командования как органа дознания.

В ст. 15 Временного наставления по работе военных прокуроров Красной Армии 1941 г. отмечено, что «Работа органов дознания в Рабоче-Крестьянской Красной Армии имеет большое значение не только непосредственно в борьбе с преступностью и другими отрицательными явлениями, но и в вопросе сосредоточения в руках командира полкоты законной власти, поднятия его авторитета и воспитания волевых качеств» (разрядка моя. — Д. К.).

В § 2 Инструкции органам дознания Красной Армии 1942 г. эта же мысль выражена следующим образом: «Сосредоточение в руках командира части власти по возбуждению уголовного преследования, расследованию преступлений и окончательному разрешению дознаний позволит использовать дознание, как орудие борьбы за воинскую дисциплину, как фактор, усиливающий авторитет командира и способствующий воспитанию его волевых качеств».

Предоставление широких прав командованию как органу дознания, означает, что за борьбу с преступностью в части прежде всего несет ответственность ее командир, а потом уже другие органы. Вместе с тем, осуществляя свою командную власть при принятии отчета дознания, командование как орган дознания наделено широкими процессуальными правами, является субъектом процессуальной деятельности, а потому поставлено под надзор военной прокуратуры.

Согласно §§ 5—8 Инструкции органам дознания 1942 г., надзор за производством дознания осуществляется военным прокурором, который вправе поручить надзор за производством отдельных дознаний военному следователю.

Военный прокурор и военный следователь вправе знакомиться в любое время с материалами дознания и давать обязательные для органа дознания указания о технике расследования, мерах пресечения и направлении дознания.

При этом, в случае несогласия с указаниями военного прокурора команду части, не приостанавливая исполнения указаний военного прокурора, может только обжаловать их перед вышестоящим военным прокурором.

Военный прокурор вправе потребовать из части прекращенное дознание и возобновить его своим постановлением.

Иное положение возникает в том случае, когда командир части принял решение прекратить дознание и издал приказ о направлении виновного военнослужащего своей властью в штрафную часть. Военный прокурор в этом случае уже не может отменять приказ командира части, а имеет право оспротестовать его перед командиром соединения.

Однако в процессе производства дознания указания военного прокурора имеют силу во всех случаях.

Таково действующее законодательство об органах дознания. В буржуазных государствах дознание рассматривается как справочная деятельность для прокуратуры, необходимая последней для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования. Дознание в армиях буржуазных государств играет ту же справочную роль, что и в общей юстиции, но предоставляемые командованию решающей роли в военно-уголовном процессе в армиях буржуазных государств, иное соотношение, чем в советском уголовном процессе между дознанием и предварительным следствием, сводит там на-нет значение военной прокуратуры (там, где она имеется) в этой стадии процесса.

Так, по военно-судебному уставу царской России командование отдельных воинских частей и более высокое военное начальство имели право назначать производство дознания по делам о всех воинских преступлениях и по всем общеуголовным преступлениям, если последние были совершены в местах расположенной воинских частей даже и частями гражданскими.

Как отмечает проф. Абрамович-Барановский, «Составители военно-судебного устава перенесли на военное начальство, в области производства дознаний, те права и обязанности, которые в общегосударственном быту возложены на полицию и прокуратуру по обнаружению и первоначальному исследованию преступных деяний. Они рассуждали, что «воинские начальники, в силу корпоративной идеи о воинской организации, должны не только иметь попечение об исправном отправлении служебных дел, но еще блюсти и вне службы за сохранением порядка и благочиния в подведомственных им частях и местах и за точным соблюдением во всякое время установленных законов. Они обязаны пресекать немедленно зло в местах исключительного их ведения, предотвращать совершение преступных деяний и принимать меры для сохранения следов преступных действий, требующих строгого законного разбора. Для исполнения сих обязанностей военные начальники имеют и должны иметь непременно известную степень власти, которая соответствовать бы вполне потребностям, истекающим из всего на них возложенного». Но так как в военном ведомстве не может быть «особой повинности» от военных начальников полиции, то, по мнению составителей военно-судебного устава, полицейские обязанности в исключительном ведении военных начальников должны принадлежать личной власти начальствующих лиц, а правила о производстве дознаний в военном ведомстве должны предоставить военным

начальникам, в пределах их ведения, те же способы, какими пользуются в гражданском ведомстве полиция и другие административные власти. Ввиду же сосредоточения в руках военных начальников также и обвинительной, или судебно-преследовательной власти, к ним должны поступать вообще все дознания о преступных деяниях военнослужащих, и им одним должно быть предоставлено право решать, какой дать дальнейший ход делу, т. е. возбуждать ли судебное преследование против подозреваемого или окончить дело административным порядком¹.

По общеуголовным преступлениям, совершенным в иных местах, дознание могло вестись и чинами общей полиции. Таким образом, командование частей царской России имело право назначать дознание не во всех случаях совершения преступления военнослужащими, как это установлено сейчас в Красной Армии.

Дознание в русской армии производили офицеры или военные чиновники, назначаемые командованием части или соединения по каждому отдельному делу. Лицо, производящее дознание, было обязано собирать все необходимые сведения посредством розысков, словесных расспросов, без производства обысков и выемок, приняв меры к сохранению следов преступления до прибытия следователя (ст. 325—326 военно-судебного устава). В силу ст. 342 военно-судебного устава производящий дознание не мог производить «формальных», т. е. имеющих значение доказательств, допросов. Короткая запись словесного опроса заменяла протокол.

Избранные меры пресечения, надзор за производством дознания, разрешение жалоб на действия дознавателя относились к компетенции командования; военная прокуратура не имела права вмешиваться в действия командования в этой стадии процесса.

Несмотря на взгляд на дознание, как на действия, направленные лишь к выяснению вопроса, действительно ли совершилось преступное деяние и кто вероятный его виновник, и к предупреждению возможности сокрытия следов преступления и самого подозреваемого прежде, чем относительно него будет возбуждено судебное преследование, на взгляд, что «дознание еще не представляет собой акта возбуждения уголовного преследования, материалы дознания служили основанием для передачи дела на рассмотрение не только полкового суда, но и ряде случаев и военно-окружного»².

В английской армии в архив США нет предварительного следствия, но и там по распоряжению командования части или соединения одним или тремя офицерами производится не формальное дознание.

В советском военно-уголовном процессе взгляд на дознание в Красной Армии не всегда был одинаков.

¹ Д. Яковлев, С. Брановский. Значение военного личностей в военно-уголовном судопроизводстве. 1896 г., стр. 126—127.

² Там же, стр. 132.

Инструкция органам дознания РККА, объявленная циркуляром НКВД 1933 г. за № 137 в ст. 24, и инструкция органам дознания Красной Армии, объявленная приказом НКО СССР 1940 г. за № 32, в ст. 17 говорили о направлении оконченного дознания военному прокурору или военному следователю «для привлечения виновного к уголовной ответственности».

Акты дознания по «инструкциям» 1933 и 1940 гг. были просты, постановлений почти не писалось, а привлечение к делу в качестве обвиняемого и предъявление обвинения, выполнение ст. 206 УПК РСФСР, составление обвинительного заключения и т. д. производилось военным следователем, к которому обязательно направлялось дело по окончании дознания. Дознание было первичной формой предварительного расследования. Следовательно, от дознавателя не требовалось особой юридической квалификации, и всякий культурный офицер мог легко выполнять эти обязанности.

Главная военная прокуратура Красной Армии перед Великой отечественной войной стояла на точке зрения расширения прав органов дознания, что нашло свое выражение в ст. 22 Временного наставления по работе военных прокуроров. Согласно ст. 22 Временного Наставления, по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, военный прокурор вправе направить дознание в военный трибунал на рассмотрение. В 1942 году ГВП дала соответствующие указания по этому поводу, а затем они вошли в «Инструкцию органам дознания» 1942 г.

Советскому уголовному процессу не присущ взгляд на акты дознания, как акты второстепенные, не имеющие такого доказательственного значения для суда, как акты предварительного следствия. Но нельзя согласиться и с точкой зрения Главной военной прокуратуры Красной Армии, полностью отождествляющей дознание с предварительным следствием, предъявляющей к дознавателю такие же требования по оформлению процессуальных действий, как и к военному следователю.

В тезисах доклада на второй научной конференции Военно-Юридической Академии Красной Армии (Ашхабад, 1942 г., стр. 10), проф. Строгович вполне справедливо отмечал, говоря о формах дознания по «Инструкциям» 1940 г., что «в вопросе размежевания дознания и предварительного следствия военно-уголовный процесс выгодно отличается от общего уголовного процесса: в военно-уголовном процессе дознание и предварительное следствие отчетливо размежевываются, что не всегда имеет место в общем уголовном процессе. В Красной Армии самый порядок дознания существенно отличается от порядка предварительного следствия, проводимого военными следователями. Такое положение, — пишет далее проф. Строгович, — следует признать правильным, и необходимо решительно возражать против иногда встречающихся в практике тенденций облекать деятельность органов дознания во все процессуальные формы предварительного следствия, т. е. по существу пренатать дознание в предварительное следствие». Нельзя

требовать от военного офицера, чтобы он знал достаточно удовлетворительно уголовное и процессуальное законодательство, обладав навыками составления всякого рода постановлений, обвинительного заключения и т. д. Практически применение инструкции органами дознания 1942 года привело либо к назначению дознавателями офицеров из числа бывших работников юстиции и освобождению их почти целиком от всяких других обязанностей, либо к составлению всех процессуальных актов дознавателем под руководством военного следователя.

Дознание вытеснено в значительной мере предварительное следствие, но за счет качества расследования. Если и не следует для обеспечения быстроты расследования до передачи дела на рассмотрение военного трибунала обязательно выполнять по всем дознанием ст. 109 УПК РСФСР, то во всяком случае крайне желательно упрощение форм, доступность их для всякого офицера.

Итак, командование, как орган дознания, получило часть функций обвинительной власти, его компетенция по борьбе с преступностью значительно расширилась.

Получив весьма значительные полномочия по возбуждению уголовного преследования, командование в большей степени, чем в любой другой отрасли своей деятельности в Красной Армии, поставлено под общее руководство органа обвинительной власти — военной прокуратуры.

Такое решение вопроса в советском военно-уголовном процессе несомненно более правильно, чем в армиях иностранных государств.

Процессуальные права командования в стадии предварительного следствия. В СССР в стадии предварительного следствия военные следователи действуют независимо от командования. Надзор за расследованием осуществляется в Красной Армии не командованием, а органами военной прокуратуры. В этом отношении советские военные следователи находятся в несомненно лучших условиях, чем военные следователи иностранных армий. Достаточно сослаться на положение советника военного суда, производившего в германской армии (как в фашистский, так и в дофашистский период) предварительное следствие только по письменному приказу соответствующего генерала («господина суда»), т. е. командира соединения. Командир соединения германской армии имел право давать обязательные для военного следователя указания о направлении следствия, он утверждал меры пресечения обвиняемому, назначал экспертов, решал вопрос о дальнейшем направлении дела по окончании предварительного следствия.

Советники военных судов, из числа которых назначались военные следователи, состояли в германской армии в непосредственном подчинении соответствующего командира соединения, являясь как-бы его юридическими советниками.

В английской армии и армии США, где нет предварительного следствия, как особой стадии процесса, собрание доказательств

для суда производилось под непосредственным руководством и указанием командования подчиненными ему офицерами.

В русской армии положение военного следователя было несомненно выше, чем в армиях иностранных государств. Но и там, как рассуждали составители военно-судебного устава, «ввиду обязанности военных начальников блюсти в подведомственных им частях порядок и благоочиние, пресекать всякое зло и обнаруживать преступные деяния, ввиду власти их подвергать своих подчиненных дисциплинарным взысканиям и ввиду ответственности военных начальников за себя и своих подчиненных, не могут существовать между военным начальником, с одной стороны, и военными прокурорами и военными следователями, с другой стороны, те же отношения, в какие поставлены в гражданском ведомстве прокуроры и судебные следователи...», т. е. нельзя в военных ведомствах допустить непосредственных, без ведома начальников, действий военного прокурора и следователя.

В силу приведенных выше соображений, в царской России только командование могло дать распоряжение о начале предварительного следствия. Командование имело право осведомляться лично или через других лиц о положении дела и обращать внимание военного следователя на такие обстоятельства, какие оно признает нужными (ст. 344 военно-судебного устава). Военный начальник имел право указать следователю на необходимость усиления избраных в отношении обвиняемого мер пресечения, хотя и не мог своей властью их смягчить (право изменения мер пресечения на более легкие принадлежало военному прокурору).

Вопрос о прекращении дела решался также командованием, хотя в некоторых случаях военная прокуратура и имела право самостоятельно решить этот вопрос.

В Красной Армии, в стадии предварительного следствия, командование имеет некоторые процессуальные права, но далеко не такого характера, как в армиях иностранных государств.

Не обладая правом вмешательства в деятельность военного следователя, командование в Красной Армии может:

1. Давать согласие на привлечение к делу в качестве обвиняемых лиц офицерского и генеральского состава.
2. Давать согласие на избраные в качестве меры пресечения заключения под стражу тех же лиц.

Указанные выше процессуальные права нуждаются в некотором пересмотре. Установившаяся практика, основанная на требованиях статей 78—79 Временного командования на привлечение прокуроров получать согласие командования на привлечение офицеров в качестве обвиняемых, несправильна и нецелесообразна. Действующее уголовное-процессуальное законодательство союзных республик не допускает, чтобы лица, в отношении которых собраны достаточные данные для привлечения их к уголовной ответственности и предъявления обвинения, допрашивались предварительно и качестве «свидетелей», а потом уже, после получения

согласия командования, привлекались к делу и снова допрашивались в качестве обвиняемых.

Ст. 15 Дисциплинарного устава Красной Армии, на основе которой и возникло требование предварительного получения согласия командования на привлечение к уголовной ответственности лиц офицерского состава, вовсе не обязывает органы военной прокуратуры получать такое согласие, а говорит лишь о необходимости согласования с командованием вопроса о предании суду.

Проф. Строгович в своей статье «Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии» (Труды Военно-Юридической Академии Красной Армии, выпуск III, 1943 г., стр. 59) считает, что «если привлечение в качестве обвиняемого не означает категорического утверждения о виновности обвиняемого, не предполагает уже доказанной виновности обвиняемого, а имеет смысл лишь в том, что им определяется лицо, действия которого расследуются и которому предъявляется обвинение для того, чтобы попытку его опровергнуть, то «теряет свой смысл и получение согласия военных властей на привлечение в качестве обвиняемого. Такое согласие имеет смысл не на привлечение в качестве обвиняемого, которое вовсе не предопределяет исход следствия, а на предание суду, которое производится в результате уже полностью законченного предварительного следствия».

Было бы желательным изменить существующего порядка согласования с командованием привлекаемых к делу в качестве обвиняемых лиц офицерского состава путем писемца соответствующих изменений в допрос наставления по работе военных прокуроров.

Что же касается вопроса о согласовании с командованием избрания мерой пресечения заключение под стражу, то едва ли следует доказывать необходимость осведомленности командования по этому вопросу. Поскольку военная прокуратура не лишена права в экстренных случаях ареста важнейших преступников и без предварительного согласования с командованием (ст. 50 Временного наставления по работе военных прокуроров), то в существующий порядок нет необходимости вносить изменения.

Участие командования в предании суду военнослужащих. По окончании предварительного расследования следственное производство поступает к военному прокурору, от которого и зависит дальнейшее направление дела в военный трибунал для рассмотрения вопроса о достаточной полноте предварительного расследования и о предании суду.

Согласно ст. 78—79 Временного наставления по работе военных прокуроров и Красной Армии и ст. 15 Дисциплинарного устава Красной Армии, в отношении лиц офицерского и генеральского состава военный прокурор обязан до направления дела в военный трибунал предварительно получить согласие командования на предание суду обвиняемых. В жаркое время такое согласие может быть дано в отношении офицеров и генералов Красной Армии Народным Комиссаром Обороны СССР, в отношении офицеров и

адмиралов Военно-Морского Флота — Народным Комиссаром Военно-Морского Флота СССР, в отношении офицеров и генералов войск НКВД — Народным Комиссаром Внутренних дел СССР. В военное время Народный Комиссар Обороны СССР предоставил право давать согласие на предание суду офицеров военным советам армии и фронтов, а в особо исключительных случаях — даже и командирам соединений. Практически такое согласование происходит еще до окончания предварительного расследования, перед привлечением офицера или генерала к делу в качестве обвиняемого (см. выше).

В армиях иностранных государств предание суду военнослужащих не только офицерского состава, но и рядовых зависит от санкции командования. Так, в армиях Англии и США высшие офицеры, имеющие полномочия на созыв военного суда, рассмотрев материалы дознания или жалобу потерпевшего, могут отдать приказ по части или соединению, указывая в нем, кто и за какое преступление предается военному суду. Они же назначают состав суда, время и место его заседания, а также обвинителя. Ни один военнослужащий не может быть предан суду без приказа командования.

В Германии по окончании предварительного следствия командир соединения (герихтсгер) также единолично решал вопрос о предании суду на основании поступивших к нему материалов предварительного следствия. Он же утверждал список свидетелей, назначал обвинителей и защитника и вообще разрешал все вопросы, связанные с преданием суду.

Только во Франции вопрос о предании суду в мирное время решается обвинительной камерой гражданского апелляционного суда, в состав которого дополнительно вводился назначенный командованием офицер. В военное время в действующей армии право предания суду принадлежит военному прокурору, решение которого может быть обжаловано в военно-кассационный суд армии, целиком состоящий из назначенных командованием офицеров.

В царской России решение вопроса о предании суду целиком зависело от командования.

Действующий в СССР порядок предания суду военнослужащих окончательное решение вопроса о передаче дела в суд относится к компетенции военного трибунала, военный трибунал в присутствии согласия командования на предание суду военнослужащего вправе дело производством прекратить или возратить его на доследование.

Само согласование с командованием производится военной прокуратурой и не находит отражения в деле. Является спорным, необходимо ли приобщать к делу письменное согласие командования на предание суду или хранить такой документ в наблюдательном производстве военного прокурора. Принцип независимости судей дает основание полагать, что в деле не должно быть ника-

ких документов, говорящих о мнении командования. По данному вопросу ничто не должно влиять на судей. С другой стороны, отсутствие документа в деле не дает возможности проверить в дальнейшем, было ли выполнено возмездие прокуратурой требование ст. 15 Дисциплинарного устава о согласовании с командованием вопроса о передаче суду. Нам представляется более правильным последнее решение вопроса, так как мнение командования имеет значение для оценки события преступления. По многим военским преступлениям установление грани между служебным проступком и уголовным преступлением может только командование, мнение которого в данном случае является решающим. Это мнение должно быть выражено в письменной форме, приложено к делу и известно судьям.

При рассмотрении дела в подготовительном заседании военного трибунала судьи не связаны мнением командования.

В этой стадии процесса возникает серьезный вопрос о том, оценивает ли командование при даче своего согласия на передачу суду военнослужащих только степень общественной опасности преступления в том виде, в каком она описана в предстанении военного прокурора, или оно оценивает также и доказанность обвинения. Необходимо учесть, что командование при решении вопроса знакомится только с представленным военным прокурором, а не со всеми следственными материалами по делу. На практике командование принимает во внимание не только тяжесть совершенного офицером преступления, но и степень доказанности его вины. Необходимо предоставить командованию право оговорок с всем производством по делу, если у него возникли сомнения в обоснованности обвинения. О таком праве командования не указано ни в одном законодательном или ведомственном акте.

Возникает также вопрос о праве командования отказать в согласии на передачу суду офицера, совершившего всякое преступление. Если в отношении большинства военных преступлений нельзя отягивать права командования решать вопрос о дисциплинарной или судебной ответственности военного офицера, то в отношении таких преступлений, как контрреволюционные, убийства, изнасилование и т. д., это является спорным. Нам представляется, что по общеуголовным преступлениям командование не должно обладать правом решения вопроса о судебной или дисциплинарной ответственности подчиненных ему лиц.

Какова юридическая природа санкций командования на передаче суду? Большинство советских юристов (в частности проф. Строгович) рассматривают санкции командования как «гарантию от неосновательного привлечения к уголовной ответственности командиров Красной Армии». Если согласиться с этой точкой зрения, то отказ командования в даче согласия на передачу суду офицера,

совершившего убийство гражданина, не будет подходить к «гарантии от неосновательного привлечения к уголовной ответственности». Вина офицера и тяжесть совершенного им преступления очевидны. Между тем, и Временное наставление по работе военных прокуроров и практика не устанавливают каких-либо ограничений для командования, давая ему возможность отказать в согласии на передачу суду по любому поводу и по любому преступлению. Следовательно, санкции командования — это не только гарантия от неосновательного привлечения офицера к уголовной ответственности. Таким образом, можно полагать что в данном случае идет речь о предоставлении командованию права сохранения для армии наиболее ценных офицеров, независимо от совершенных ими преступлений. Если это так, то создается большая опасность, создания атмосферы безнаказанности для «незаменимых» офицеров, так как при любом беззаконии они будут освобождаться от судебной ответственности.

Мы полагаем, что следует придерживаться буквального текста второй части ст. 15 Дисциплинарного устава Красной Армии, отдав на усмотрение соответствующего командования решение вопроса о дисциплинарной или судебной ответственности исключительно по делам о должностных и некоторых военных преступлениях.

Роль командования в стадии судебного разбирательства. Статья 112 Конституции (ст. 112) возвела в конституционный принцип независимость судей и их подчинение только закону. Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик, представляя собой дальнейшее развитие положений главы IX Конституции СССР, относит этот принцип ко всем судам в СССР, т. е. и к военным трибуналам.

Формально независимость военных судов от командования провозглашается и буржуазными юристами и в законодательстве буржуазных государств. Так, профессор Александровской Военно-Юридической Академии генерал-майор Абрамович-Барановский в своей работе «Значение военного начальства в военно-уголовном судопроизводстве» (1896 г., стр. 11) пишет, что «Судебная власть в войсках, решающая уголовные дела постановкой приговора о наказании или оправдании подсудимого, необходимо должна быть самостоятельной и независимой от посторонних властей и, в частности, от исполнительной власти в военном ведомстве, односторонней военной начальствами»¹.

В вводной части записки главного военного прокурора России, представленной им военному министру 7 февраля 1883 г. «О производстве дел в военно-окружных и временных судах», та же

¹ См. также проф. Володимеров «Руководство к изучению военно-судебного устава, 1896 г., стр. 378; проф. Плетнев «Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего», 1903, главы XXI, и другие работы.

¹ Строгович, Приложения к уголовной ответственности, Ашхабад, 1933 г., стр. 26.

ность выражена следующим образом: «Постановления о производстве дел в военных судах (военно-окружных и временных) должны быть рассмотрены по преимуществу с технической точки зрения. Особые требования военной службы, если и могут оказать здесь влияние, но лишь на внешнюю, обрядовую сторону, но не на существо постановлений о судопроизводстве, так как по неведению истины, при единстве основных начал суда, не способны искажать истины, при единстве основных начал суда, не способны быть различными, но в этой части своей военной судопроизводство является по необходимости сходным с судопроизводством общеуголовным. Полное сходство определяется с тем возвращенным законодательством, по которому раз состоялось требование обвиняемого суду, военное начальство, в интересах правосудия, не может и не должно принимать непосредственного участия в дальнейшем ходе дела на суде...» (разрядка моя. Д. К.).

Таким образом, единодушно признается принцип невмешательства командования в деятельность суда в стадии судебного разбирательства. Участие командования в судебном процессе в английских военных судах выражается в назначении обвинителя из числа офицеров, выступающего как сторона и выражающего точку зрения командования, выполняющего его прямые указания. Независимость судей от этого не умаляется, но все дело в том, что судья зависит от командования: как и обвинитель, они являются командованием из числа подчиненных ему офицеров. Дальнейшее вмешательство командования в судебную процедуру превращало бы английский военный суд в орган административной расправы, а это в таком буржуазно-демократическом государстве, как Англия, имело бы невыгодные с общественной точки зрения последствия. Всякий суд в буржуазном обществе, в том числе и военный суд, должен скрыть тонким помыслом независимости свое прямое подчиненное положение верхушке господствующего класса, скрывать свое классовое лицо.

Французский кодекс военного правосудия для сухопутной армии 1928—1932 гг. и военно-судебные кодексы других буржуазно-демократических государств не допускают участия командования непосредственно в стадии судебного разбирательства и вынесения приговора.

В СССР вся деятельность органов военной юстиции, весь порядок судопроизводства построен таким образом, чтобы наилучшим образом обеспечить установление материальной истины по делу с обеспечением при этом процессуальных гарантий для всех участников процесса лиц. Непосредственной целью судебного процесса является установление подлинных виновников совершения преступления и назначение им соответствующих мер наказания или оправдание неправых переданных суду лиц.

Общественно-воспитательное значение судебного приговора будет тем больше, чем более он будет убедителен. Только тот приговор убедителен, который основан на правильной оценке всех соб-

ранных по делу доказательств судьями, которые к своим выводам пришли независимо от каких-либо внешних влияний.

Решение судьбы подсудимого должно зависеть от судей, максимально объективных, на подавляющем авторитетном мнении командования соединения, не связанных этим мнением в стадии передачи суду. Поэтому независимость судей и их подчинение только закону возведены в СССР в конституционный принцип.

Командование и политорганы соединения в стадии судебного разбирательства тесно взаимодействуют с органами военной юстиции.

Председатель военного трибунала и военный прокурор соединения обязаны своевременно поставить в известность командира части о предстоящем в части судебном процессе. На обязанности командования и политоргана части лежит в случае, если процесс открыт, обеспечить присутствие на суде делегатов подразделений или всей части, вести соответствующую разъяснительную работу до и после процесса, договориться о наилучшем времени и месте заседания военного трибунала, обеспечивать своевременную явку свидетелей из подразделений части, дать наряд для охраны порядка и т. д.; если дело слушается на фронте с участием заседателей, то позаботиться и об их выделении.

В свою очередь военный трибунал должен так вести процесс, чтобы в итоге его не был подорван авторитет командования. В стадии судебного разбирательства и вынесения приговора командование и политорганы, не вмешиваясь в деятельность судей, обязаны принять все меры совместно с председателем военного трибунала и военным прокурором к достижению наибольшего общественно-воспитательного эффекта судебного приговора. Военный трибунал обязан принять все меры к поднятию авторитета командования.

В этой связи остановимся на таких формах работы военного суда, которые наиболее обеспечивают как подлинное правосудие, так и помощь командованию в поддержании военной дисциплины, поддержании авторитета начальствующего состава в качестве необходимой предпосылки для этого.

Опыт работы военной юстиции показывает, что в современных условиях указанные выше задачи могут быть осуществлены при наличии гласного суда, действующего на основе состязательного процесса с его устностью и непосредственностью и широкими процессуальными правами сторон.

Речь идет, следовательно, о построении военно-уголовного процесса на тех же основных принципах, что и уголовного процесса в обычных судах. Взгляд этот не нов и воспринят многими в буржуазными исследователями военного права и законодательством ряда передовых буржуазно-демократических государств.

Очень красочную мотивировку необходимости применения всех основных принципов состязательного процесса и особенно гласности

в военных судах дует проф. Плетнев, в основном правильно показывая значение гласного суда для поддержания дисциплины. По мнению Плетнева, только гласный суд обеспечивает воспитательное воздействие на военнослужащих.

В тезисе 8 своего доклада «Основные проблемы военно-судебного права в связи с Отечественной войной» проф. Строгович пишет, что судья судебного разбирательства в военном трибунале полностью регулируется нормами общего уголовного процесса. Некоторое отступление от принципов гласности (более частое слушание дел при закрытых дверях, чем в общих судах), а также отсутствие непосредственности (сокращение иногда списка участников и непосредственности (сокращение иногда списка участников и непосредственности (отсутствие защитника в условиях боевой обстановки) не колеблет самих этих принципов, сохраняющих свою силу в полной мере и в военно-уголовном процессе»².

В ряде стран командование, как уже указывалось выше, подбирал состав суда, притом в зависимости от чина подсудимого. Хотя в СССР, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1942 г. командование и обязано выделять заседателей в действующей армии, причем практически по каждому конкретному делу, но в отличие от иностранных государств в военном трибунале председательствует не назначенный командованием офицер (Англия, США), а независимый от командования военный судья. В СССР в составе суда могут быть, согласно действующему законодательству, судьи и заседатели любых воинских званий, независимо от звания подсудимого. Опыт работы военной юстиции в период Великой отечественной войны говорит все же о желательности иметь в составе суда лиц, не ниже по воинскому званию, чем подсудимый.

Как правило, военные трибуналы не рассматривают гражданских исков о возмещении материального ущерба, причиненного преступными действиями (ст. 389 УПК РСФСР). Командование вынуждено предъявлять гражданские иски после рассмотрения и разрешения соответствующих уголовных дел в военных трибуналах — в народных и областных судах, что создает известные неудобства.

На время Великой отечественной войны военным трибуналам было предоставлено право рассматривать иски войсковых частей по делам о хищениях государственного имущества и корыстных должностных преступлениях, а также недостачах. Если ли целесообразно и в мирное время затягивать разрешение вопроса о возмещении материального ущерба, причиненного преступными действиями военнослужащего. Следует и для мирного времени сохранить установленный порядок.

И последний вопрос: о роли командования в усилении карательной политики военных судов при известных условиях. Из сво-

¹ Плетнев, Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с гласными основаниями общего, 1938 г., стр. 156—157.

² Военно-Юридическая Академия, Тезисы докладов на которой изучены и рассмотрены, Ашхабад, 11, 12 и 13 мая 1942 г., стр. 11—12.

док Советского Информбюро в период Великой отечественной войны мы неоднократно узнавали о жестоких, особо повышенных, наказаниях, которыми угрожало фашистское командование своим солдатам и даже офицерам при чрезвычайных обстоятельствах. Фашистское командование прямо диктовало военно-полевым судам ту или иную карательную политику. Это и неудивительно, если принять во внимание положение немецкой военной юстиции и ее полную подчиненность командованию.

В СССР не может быть подобного положения. Но на общее направление карательной политики военных трибуналов в пределах действующих уголовных законов и в СССР должно оказывать влияние командование высших соединений.

В Положении о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. записано об обязанностях председателей военных трибуналов периодически информировать командование соединений и военные советы о своей борьбе с преступностью, т. е. получать указания об общем направлении карательной политики по определенным видам преступлений.

Отметим также, что военные трибуналы обязаны посылать копии своих приговоров командиру соответствующей части, т. е. ставить командование в известность о судьбе его подчиненных.

Роль командования после вынесения приговора. После вынесения приговора военного суда командование принимает то или иное участие в военно-уголовном процессе по следующим вопросам: 1) обжалование приговоров военных судов, 2) утверждение приговора военного суда, 3) отсрочка исполнения приговора, 4) снятие с осужденных судимости, 5) участие в исполнении приговора.

В мирное время в тех государствах, где допускается обжалование приговоров военных судов, помимо осужденного, право опротестования приговора принадлежит и командованию либо непосредственно (Германия), либо через военного прокурора (Франция). В военное время, как правило, обжалование приговоров военных судов не допускается (некоторое исключение во Франции), и командованию предоставляется право утверждать приговоры военных судов.

В СССР приговор военного трибунала в мирное время и в местностях, не объявленных на военном положении, — в военное время может быть обжалован или опротестован только сторонами, т. е. подсудимым, его защитником, потерпевшим, — по делам частного обвинения и военным прокурором.

✓ Командование соединения может ставить вопрос перед военным прокурором об опротестовании приговора, но само этого права не имеет.

В отдельных случаях командование лучше разбирается в конкретной обстановке, в которой имело место совершение преступления, чем военный трибунал, правильнее оценивает социальную опасность совершенного подсудимым деяния, особенно по делам о воинских преступлениях. И если военный трибунал сделает оши-

блженный вывод, надо дать командованию соединения возможность реагировать на приговор военного трибунала. Не обязательно предоставлять командованию соединения право принесения протеста на приговор военного трибунала, хотя в будущем вполне целесообразно внести такой нормы в УПК СССР. В рамках ныне действующего законодательства командование может добиваться опротестования неправильного, по его мнению, приговора, через военного прокурора своего соединения, а при его отказе, непосредственно обращаться к вышестоящему военному прокурору. Некоторые затруднения представляет в этом отношении 72-часовой срок с момента вынесения приговора, установленный для принесения кассационного протеста военным прокурором.

В СССР, как указано выше, для ускорения судопроизводства в целях большей эффективности уголовной репрессии, применяемой военным трибуналом, ст. 14 Положения о ВТ от 22.VI 1941 г. говорит, что приговоры военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий кассационному обжалованию не подлежат и могут быть отменены или изменены лишь в порядке судебного надзора. Кассационное обжалование приговоров военных трибуналов не допускается и в тех случаях, когда военные трибуналы действуют и в местностях, не объявленных на военном положении, если они рассматривают дела о преступлениях, за которые установлена уголовная ответственность, по законам военного времени.

В сложных условиях современной войны деятельность военной юстиции должна обеспечивать немедленное реагирование по всякий случай нарушения дисциплины с тем, чтобы момент совершения преступления, судебное разбирательство, вынесение и обращение к исполнению приговора отделялись друг от друга часами и, в крайнем случае, 1—2 днями. Отсюда устранение кассационного обжалования приговоров военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий.

Законодательство подавляющего большинства буржуазных государств не допускает обжалования приговоров военных судов в военное время и заменяет его утвержденным приговора вышшими командирами.

Широкая сеть органов военной прокуратуры, надзорные права председателей военных трибуналов фронтов и флотов дают в СССР возможность исправления судебных ошибок, отмены неправильных и незаконных приговоров военных трибуналов.

Приговор к высшей мере наказания обязательно проверяется в особом порядке до обращения к исполнению. Отсутствие обжалования доведло усиление роли судебного надзора и, в частности, усиление роли командования на этой стадии процесса.

Роль командования в этой стадии процесса выражается, во-первых, в установленной ст. 13 Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах

военных действий обязанности председателей военных трибуналов периодически информировать военные советы фронтов, округов, флотов и армий и командование соединения о работе военных трибуналов по борьбе с преступностью, т. е. о вынесенных трибуналами приговорах. Во-вторых, согласно ст. 15 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. военным советам округов, фронтов и армий (флотов и флотилий), а также командующим фронтами, армиями, округами, флотами и флотилиями принадлежит право приостанавливать исполнение приговора с высшей мерой наказания (расстрел), с одновременным сообщением по телеграфу Председателю Верховного суда СССР и Главному военному прокурору Красной Армии (или Главному прокурору Военно-Морского Флота СССР) своего мнения об этом для дальнейшего направления дела. В силу ст. 16 того же Положения, о каждом приговоре, присуждающем к высшей мере наказания, военный трибунал обязан был немедленно сообщать по телеграфу тем же лицам, и только при неподучении в течение 72 часов с момента вручения адресату телеграфного сообщения о приостановлении исполнения приговор приводился в исполнение.

Порядок утверждения приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания затем подвергся некоторым изменениям. Так, в условиях быстротечной обстановки первого периода Великой Отечественной войны такой порядок утверждения приговора с высшей мерой наказания не давал возможности быстро и сурово воздействовать на примерные наказания нарушителей воинской дисциплины. И при этих исключительных обстоятельствах необходимость получать согласие центральных органов военной юстиции на приведение приговора в исполнение было бы недопустимой волокиткой. Поэтому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 года военным советам фронтов в особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий, было предоставлено право утверждать приговоры военных трибуналов с высшей мерой наказания с немедленным приведением этих приговоров в исполнение. Но в испрашиваемые санкции военного совета фронта в некоторых особо исключительных случаях было затруднительно. Вследствие этого Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1941 г. право утверждения приговоров с высшей мерой наказания было дано также военным советам армий и командирам корпусов, а Указ от 8 сентября 1941 г. распространил этот порядок и на командование дивизий.

Позднее установился порядок, что по вынесении приговора к высшей мере наказания председатель военного трибунала и военный прокурор соединения докладывали об этом командиру соединения. После этого о приговоре и мнении командования соединения сообщалось через председателя военного трибунала и военного прокурора фронта военному совету фронта. И только затем давалась телеграмма в Военную коллегию Верховного суда СССР, согласно ст. 16 Положения о военных трибуналах.

Немедленное приведение приговора с высшей мерой наказания в исполнение после утверждения его командованием допускалось лишь в исключительных случаях, вызываемых боевой обстановкой. Если осужденный находился вне части, в прифронтовом или тыловом районе, то исполнение приговора к высшей мере наказания могло иметь место только после получения телеграфного уведомления об его утверждении Военной коллегией Верховного суда СССР.

В 1943—1945 гг. порядок утверждения приговоров с высшей мерой наказания был еще более осложнен, и все было направлено к тому, чтобы применение расстрела являлось особо исключительной мерой наказания, правильность назначения которой проверялась бы несколькими инстанциями.

Указы Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня, 13 июля и 8 сентября 1941 г. сохранили попрежнему свою силу для исключительных обстоятельств.

В-третьих, командованию отдельных частей и соединений принадлежит право возбуждать ходатайства перед военным трибуналом о смягчении или полном освобождении от наказания лиц, осужденных ВТ с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и проявивших себя стойкими защитниками родины.

В случае прибытия осужденных, негодных к строевой службе, в штрафные или запасные части по обязанности военных трибуналов, по представлению командиров частей, лежало рассмотрением вопроса об исключении из приговора решения об отсрочке его исполнения.

Такого рода определения об исключении из приговора отсрочки его исполнения могли выноситься ближайшим военным трибуналом на основании копии приговора и документов о состоянии здоровья осужденного.

Если во время пребывания в частях Действующей Красной Армии или в штрафной части осужденный искупал свою вину, то командование возбуждало вопрос об освобождении осужденного полностью или частично от определенного ему по приговору наказания.

Одновременно возбуждался в большинстве случаев и вопрос перед военным советом фронта о снятии с осужденного судимости. Вопрос о снятии с осужденных судимости ставился перед военными советами фронтов и в тех случаях, когда осужденный, проявив свою стойкость в бою, был убит.

26 февраля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О признании не имеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками Родины и освобожденных судом от наказания». Согласно этому Указу, военные трибуналы при вынесении определения об освобождении от наказания лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР, одновременно объявляли этих лиц не имеющими судимости.

По ранее рассмотренным делам военные трибуналы выносили в соответствии с Указом от 26 февраля 1943 г. дополнительные определения о снятии судимости.

Случаи применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР в 1941 г. были относительно более редкими. Но уже начиная с конца 1941 г. отсрочка исполнения приговора стала практиковаться значительно чаще.

Когда же в 1942 г. были созданы штрафные части, в состав которых стали направляться и осужденные с отсрочкой исполнения приговора, эффективность этого мероприятия значительно повысилась.

Вместе с тем предоставление командованию права в известных случаях своей властью, без суда, направлять виновных военнослужащих в штрафные части весьма заметно уменьшило количество дел в военных трибуналах. Впрочем, в этот период и самая преступность в Красной Армии резко снизилась, что находилось в прямой связи с победоносным наступлением советских войск.

В мирное время отбытие наказания в дисциплинарном батальоне осужденными военнослужащими проходит под наблюдением командования и приравнивается к отбытию военной службы в особом порядке, так как Постановлением СНК СССР лица, отбывшие наказание в дисциплинарном батальоне, судимыми не считаются.

Сакции командования в части утверждения приговоров к высшей мере наказания (расстрелу) имеют двойной характер: с одной стороны, это проверка правильности вынесения приговора в порядке судебного надзора, с другой стороны — делегированное на время войны командованием право Президиума Верховного Совета СССР на частную амнистию.

Следовало бы распространить право командования на приостановление исполнения приговоров на все дела.

В условиях мирного времени нет оснований для утверждения приговоров к высшей мере наказания командованием, но надзорные функции за ним следовало бы сохранить. Военным советам округов надо бы предоставлять право возбуждать перед Военной коллегией Верховного суда СССР вопрос об отмене в порядке надзора вступивших в законную силу приговоров военных трибуналов, если соответствующие военные прокуроры не согласились принести протест.

В рамках действующего законодательства командующие войсками и военные советы округов и фронтов не лишены права обращаться в Главную военную прокуратуру и к Председателю Военной коллегии Верховного суда СССР с просьбой об опротестовании того или иного вошедшего в законную силу приговора. Изменение законодательства обратило бы внимание военных советов округов на путь, по которому они могут идти в этом вопросе.

Заключение. Необходимой предпосылкой создания боеспособной армии является высокая дисциплинированность всего ее личного состава. К достижению этой цели направлены усилия коман-

дования, политических органов и органов юстиции. Поскольку для достижения одной цели применяются разнообразные способы и методы, притом различными органами, необходимо, чтобы все мероприятия, направленные к поддержанию и укреплению строжайшей дисциплины, направленные к поддержанию и укреплению строжайшей дисциплины, были между собой согласованы. Именно полновластная дисциплина военной юстиции должна быть согласована с этим деятельностью военной юстиции, включена в единый комплекс мер, направленных к установлению дисциплины.

Работа военной юстиции проходит в специфических условиях армии, где действует принцип единоначалия. В силу принципа единоначалия в пределах воинской части (соединения) вся власть принадлежит одному лицу, командиру, полномочия которого распространяются на все стороны жизни и деятельности подчиненных ему лиц. В этом отличие командования от власти руководителей гражданских предприятий и учреждений. Кроме того, работа военной юстиции протекает в условиях военного быта, когда приходится иметь дело со сплоченным, особенно в боевой обстановке, коллективом, быстро реагирующим на каждый шаг судебного-следственного органа.

Лучше командования никто не может быть в курсе быстро меняющейся боевой обстановки. Поэтому командование не может не быть одним из участников процессуальной деятельности. Прежде всего командование — это потерпевший от преступления, от нарушения воинской дисциплины в данной части или соединении и, как таковой, он ставит вопрос о возбуждении уголовного дела перед органами военной прокуратуры.

Вместе с тем командование участвует в осуществлении уголовного преследования совместно и под общим надзором военной прокуратуры, хотя решения последней в ряде случаев должны быть согласованы с командованием (например, арест и предание суду офицеров). Как орган дознания командование осуществляет свои функции уголовного преследования вплоть до предания суду; вместе с тем назначение и руководство производством дознания есть одна из форм осуществления командной власти.

Юридическая сущность санкций командования на арест и предание суду военнослужащих заключается в следующем:

1) командование своевременно ставится в известность о преступных действиях своих подчиненных или о результатах расследования, если дело было возбуждено по инициативе командования;

2) командование имеет возможность не допустить ареста или предания суду тех или иных военнослужащих, если считает, что при данной обстановке это может неблагоприятно отразиться на боеспособности части;

3) командование может не допустить изъятия офицеров из армии без достаточных оснований, создавая для них дополнительные гарантии от неосновательного привлечения к уголовной ответственности и способствуя этим выработке волевых качеств и инициативности у командиров и начальников.

Вместе с тем командование лишено возможности воздействовать на органы военной юстиции; последние сохраняют свою независимость и решают всех процессуальных вопросов.

Право утверждения приговоров военных трибуналов не укладывается в рамки уголовного преследования и имеет другую юридическую природу. Как мы видели из краткого исторического обзора, высшим носителем судебной власти в армии является ее Главнокомандующий, в свое время поручавший группе офицеров разбираться в деле и доложить ему свое мнение на утверждение. Ныне утверждение командованием приговора к высшей мере наказания, когда судьи независимы и подчиняются только закону, — своеобразная форма судебного надзора, в известной степени право помилования, делегированное командованием высшими органами власти.

Высшие судебные инстанции в порядке надзора пересматривают судебный приговор, если с ним не согласилось командование.

Несмотря на значительные процессуальные права командования в Красной Армии, судьи в решающей стадии уголовного процесса — судебном разбирательстве и вынесении приговора, независимы и подчиняются только закону.